

И Р О З А

В.Кернер

Б А Н Щ И К И

/Производственная повесть/

ПАША - ЛЮДОЕД

Это было лучшее помещение в учреждении. В центре его - письменный стол, покрытый красным сукном, вокруг - стулья. На стенах два портрета. На одном - Карл Маркс с его историче- скими густоседой бородой. Взгляд его упирался в затылок дирек- тора объединения, коммуниста и еврея Павла Семеновича Рыбака, а губы как-будто шептали: "Я вам, сволочам, новый свет- лый мир предсказал, а вы, крапивное семя, какую скучищу раз- вели."

На противоположной стене висел портрет вечно живого воз- дя с насмешливым прищуром глаз. Иногда глаза директора встре- чались с глазами насмешливого человека на портрете и ему ка- залось, что тот вопрошал его: "А сводку о помывке жителей Ле- нинграда за прошедший квартал вы представили в исполком?"

В кабинете, кроме Павла Семеновича, обитала большая зе- леная муха. Иногда с шумом она проносилась по помещению и то- варищ Рыбак отмахивался документами, которые изучал.

Павел Семенович никого не принимал целых пять часов и не снимал телефонную трубку. Он поминутно вскакивал, садился, тёр лоб, суетливо перебирал документы и время от времени вскри- кивал:

- Проклятые евреи! Они меня вгонят в гроб! Что делать?

- И директор снова и снова нервно перечитывал злополучную статью в двух номерах "Ленинградской правды". Статья называ- лась "Контрреволюционная сущность сионизма". Проклятые него- дяи: нигилисты и диссиденты готовы разрушить весь труд моей жизни. Пять лет банное дело в городе создавал и, когда, нако- нец, в этой лавочке можно стало по восемь тысяч в месяц сни- мать, какой удар, негодяи, нанесли!

Павел Семенович застонал от ненависти к евреям. Он сно- ва и снова шептал фамилию человека, который в газете был на- зван как "Некий Карапут", бывший ведущим математиком-астроно- мом, а ставшим сионистским подголоском, работающим, смешно

сказать, кочегаром в банно-прачечном комбинате.

Врали досужие газетчики. Не существовало в городе банно-прачечного комбината, а было громадное объединение бани, включавшее более семидесяти бани и многочисленные вспомогательные службы. И этим банным конгломератом правил главный майдодыр города - Павел Семенович Рыбак. Он мог делать с каждым, что пожелает, и не зря подчиненные дали ему кличку Паша-людоед. Господи, боже мой, как трудно создать организацию, которая беззастенчиво и преданно работает на тебя, - погрузился в размышления Павел Семенович. Несколько лет подбирал преданные кадры и вот, наконец, наступило самое сладостное время не бросать камни, а собирать их. Несут, несут завбанями сладкие куски, а куда им деться, если сделать с ними могу всё, что пожелаю. Годик даю им немного похавать, а затем понемногу съедаю, и в другой баньке изволь потрудиться. Менять нужно людей непрерывно, и будут они под страхом перемен нести, как курочки-рябы, золотые яички. Пускать людышек по кругу нужно, а за каждую хорошую баньку изволь тысячек пять выложить.

Главное - осторожность, ну и покормить кой-кого из выше-^лстоящих органов не мешает. Немножко подкормить, а то подумают тысячи жаваю, а главное - четко реагировать на все решения сверху спускаемые, а то и опережать их.

Ну, а своих давить беспощадно, а то не дай бог в групповщину или оппозицию играть вздумают. Время от времени одавать родным органам кое-кого тоже не помешает. И начальство довольно и ихние компетентные органы рады-радеханьки, - мол, бдит директор, борется с хищениями не на жизнь, а на смерть.

Павел Семенович заулыбался. Павел Семенович ручки потер от удовольствия. Вспомнил историю двухлетней давности, как одал самолично УБХСС старшего кассира объединения. Сдать её было одно удовольствие. Совсем дуреха была. Крутила десять лет подряд левые билеты рулонами через кассы бани. Тысяч двадцать хапнула и всё мало, а главное ничего новеньского не могла придумать простота рязанская. Вот и пришлось сдать органам, и сам же главным свидетелем на суде выступал. Тогда доверие у руководства заслужил, ох как много стоит оно, за денежки не купишь.

И теперь все трепещут, у каждого рыльце в пуху, а я зато от чекистов индульгенцию получил, считай, на годик спокойной жизни. Господи, если бы знали чекисты, что я за эту индульгенцию не только глупую кассиршу, а всех готов сдать!

Но нет на свете счастья. Стук в дверь и растворился в воздухе чекиот, а на пороге кабинета возникла секретарша. Она слегка покачивала бедрами и смотрела на него дерзко-стремительными глазами.

— Павел Семенович, сегодня четверг. Через десять минут у вас прием по личным вопросам. Вот список людей.

— Хорошо, положите, — оглядел её снизу доверху, ответил директор, и в который уже раз засмотрелся на длинные ноги секретарши. Красивые ноги. Смотришь на них и кажется, будто из самой шеи растут.

Задрал бы ей ноги прямо сейчас... — погрузился в сексуальные мечтания директор.

Но от женщин и евреев одни неприятности. Придется, пожалуй, расстаться с заместителем директора по кадрам. Последнее время стала позволять себе много лишнего. Что же она думает, если раз в неделю я укладываю её в постель, то она может в обход меня принимать людей на работу, да еще и деньги брать за моей спиной?

Пора всё это прекратить. И так слухи и сплетни ползут по всему объединению.

Стук в дверь прервал размышления директора.

В кабинет робко вошел человек с явно семитской внешностью.

— Я с бани номер двадцать два, дежурный раздевального отделения, Баснер Семен Львович. Мне нужна характеристика в ОВИР для выезда из страны, — произнес он быстро и без приглашения сел на два рядом поставленных стула.

В глазах у Павла Семеновича потемнело. Павел Семенович несколько минут бесмысленно перебирал бумаги на столе. Павел Семенович в упор посмотрел на вошедшего. Ну вот — логическое продолжение газетной статьи, — подумал он.

Это все идиотизм главного инженера Кайлловского — набрал в кочегарки башь одних евреев-отказников, а я мучайся. Нет,

срочно всех нужно уволить, а то неприятностей не оберешься.

Павел Семенович вспомнил эпизод трехлетней давности, когда аппарат объединения помещался не в пятиэтажном здании (о, мужество и пробиваемость директора, отхватившего у исполкома это здание в центре города, сколько стоило трудов, нервов и денег!), а в трех комнатах бани номер сорок девять.

В этот памятный для Павла Семеновича день в маленький Кабинет директора без стука вошли три человека в одинаковых плащах и шляпах, в чьей профессиональной принадлежности не ошибся бы даже пионер. Глаза вошедших выражали столь твердую самоуверенность, что приводила в трепет.

— Меня зовут Анатолий Иванович Круглов, — представился один из них, вероятно, старший, и протянул, не выпуская из рук, красную книжечку, в углу которой было напечатано крупными буквами: КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

Павел Семенович не успел прочитать ни фамилии, ни должности, а вошедший уже убирал удостоверение в карман плаща.

— Ну, рассказывайте ВСЁ, дорогой Павел Семенович, — мягко произнес Круглов, и с нежностью тигра осмотрел директора.

Павел Семенович, перед глазами которого возникли: вышки с часовыми, полосатые одежды и ударный труд на лесопилвале; застормотал нечто бессвязное:

— Простите, но я не понимаю, о чем вы? У меня скоро совещание. Подождите минутку, я выйду и приду опять. Что вам от меня нужно?

— Ничего, ничего, уважаемый Павел Семенович, — все так же мягко заметил тот, кто назвал себя Кругловым. — Мне от вас лично, пока, ничего не нужно, а нужно знать вот об этом предмете, — и он указал обалдевшему директору на гэдээровскую пишущую машинку, стоявшую на отдельном столике. — Да, пока только эта машинка, да и ваш телефон впридачу. Я вижу вы не в курсе дела, — добавил Круглов сухо, глядя на растерявшегося директора.

И он поведал Павлу Семеновичу, что на его пишущей машинке печатались документы и письма в США и Израиль, а по телефону не раз разговаривали с западными корреспондентами.

— Расскажите нам, — и голос Круглова потепел, — кто име-

ет доступ в ваш кабинет, и мы не будем мешать вам выполнять сложные административные обязанности. И побыстрее, пожалуйста у нас мало времени.

— Что вы, товарищи, — забормотал потрясенный коварством евреев, директор, — ведь в мой кабинет имеют доступ только я, мой секретарь, да ещеочные сторожа.

И только тогда Павел Семенович вспомнил, как год назад один из ночных сторожей, бывший инженер-программист Юрий Абрамович Рабинович просил у него характеристику в ОВИР для въезда в государство Израиль. Он, наверняка, связан с другими своими дружками: сторожами и кочегарами. Это всё одна шайка.

— Это, наверное, Рабинович — ночной сторож. Я могу его уволить о завтрашнего дня.

— Ну, что вы, — с укоризной покачал головой Круглов, — зачем увольнять. Шум, гам, крики обиженных и оскорбленных, а нам это ни к чему. Мы с вами хотя и воинствующие гуманисты, но лучше издайте распоряжение, чтобы вечером телефоны отключались, а пищущие машинки запирались в сейф. Ключи от сейфа храните только у себя. Так будет безопаснее для нас и вас. И ещё, уважаемый Павел Семенович, вы как коммунист и руководитель должны, я подчеркиваю, должны нам помогать, и от этого будет легче нам и лучше вам. Если вам всё понятно, то до свидания, — сказал тот, кто назвал себя Кругловым. Все трое встали одновременно и также одновременно исчезли..

Вся эта оцена трехлетней давности о кинематографической четкостью, кадр за кадром, промелькнула перед директором.

— Итак, вы — кочегар с бани № 22, и вам нужна характеристика в ОВИР для въезда в Израиль!? Кто вообще принимал вас, Баснер, на работу кочегаром?

Павел Семенович произнес слово кочегар несколько громче других слов, вкладывая в это слово своё свое презрение к этой ничтожной профессии.

— Нет, я не кочегар, а банщик. А что меняет эта разница?

— Зато я очень хорошо понимаю разницу! — Павла Семеновича вое больше начинал раздражать посетитель, который каким-то образом был принят на работу банщиком. Он охватил телефон-

ную трубку и нажал на селекторе цифру "2". В трубке что-то щелкнуло и негромкий, так давно надоеvший голос всегда исполняющего обязанности главного инженера, сказал: - Я вас слушаю, Павел Семенович.

- У меня на приеме некий Баснер с бани № 22. Это кочегар или нет?

- У нас кочегаров с такой фамилией нет, и вообще я не знаю этого человека, - ответил, выдержав паузу, Кайловский, с шумом перебирая перед трубкой бумаги. Между тем, Семена Баонера он не только видел вчера, но и выдул с ним и двумя бырышами бутылку коньяка. - Мне все же кажется, Павел Семенович, что я слышал эту фамилию в бане, где командует Кустенко Валентина Федоровна. Да, точно вспомнил, это банщик в бани № 22, а я только неделю назад по вашему распоряжению проверял работу этой бани.

- Хорошо, зайдите ко мне через десять минут, - и повернулся к Баонеру. - Ну, так где же ваши документы?

Целая пачка документов легла на стол, и Павел Семенович выбрал ходатайство и как перед аудиторией начал читать вслух. Фамилия, имя, отчество - Баонер Семен Львович.

Национальность - русский.

Партийность - беспартийный.

Судимость - не судим.

Место работы - бана № 22.

Должность - дежурный раздевального отделения, (банщик).

Страна въезда - Венгрия.

- Так вы хотите поехать в Венгрию по приглашению, - широко улыбнулся директор. - Это меняет дело. Кстати, почему вы, имея высшее образование, работаете банщиком?

Баснеру очень хотелось ответить чистосердечно - профит нужен, потому здесь работает, но вместо этого забормотал о конституции, о праве каждого работать там, где пожелает.

- Кстати, я не вижу на ваших документах визы председателя меоткома и заведующей бани и вынужден предложить вам прийти на прием в следующий четверг. Раз вы такой большой знаток права, то должны знать, что прежде чем идти к директору, необходимо полностью подготовить документы.

Трижды прав был вождь всех времен и народов, - да, "кадры решают войн"! И у него учился директор, когда два года назад кадровые вопросы в своих руках сосредоточил. Последняя уборщица, не говоря о кочегарах и бандитах, - все через его руки проходили. А раньше, что было, смех один, заведующие банями за стольник^{x)} кого угодно принимали, и сами же в трудовые книжки круглые печати ставили. Вот и доприминались: половина кочегаров и бандитов с высшим образованием, треть кочегаров - евреи-отказники, мол, досидим по баням, пока не выпустят. Не досидите. Где вам мою тактику мелкого террора выдержать. Хватит, намучился, получил от горкома партии два выговора за утрату бдительности.

А теперь, шалишь, ни один прохвост мимо меня не проскочит. Кадры - это деньги, а деньги - это кадры. Теперь полный порядок. На каждого сотрудника карточка заведена, отдел кадров в трех комнатах: собирают данные. А на заведующих банями своя личная карточка - акты, заявления, доносы, самодоносы. Пусть знают - бдит директор, все их доходы контролирует. Для их же блага, чтоб не зарывались и чтобы меня не забывали. Пусть знают, - каждый на моем крючке сидит. Я, как санитар природы, как щука в сорнорыбном водоеме.

Павел Семенович еще подсчитывал сорную рыбу, когда услышал голос, всегда временно исполняющего обязанности главного инженера Юрия Михайловича Кайловского.

- Павел Семенович, вы меня вызывали?

- Вы читаете газеты? - и директор протянул Кайловскому оба номера "Ленинградской правды". - Читайте вторую часть, всё, что подчеркнуто красным фломастером. Видите! Главный сионист города работает кочегаром в нашем объединении. Что вы на это скажете? Вы эту группу набрали, и вам её и придется уволить.

- Павел Семенович, вы не правы. Ведь людей на работу принимаю не я, а отдел кадров и, кроме того, мне кажется, вы зря волнуетесь. На сколько мне известно, компетентные органы и вышестоящее начальство не реагировало на статьи в газетах, и не требуют увольнения. Зачем же нам проявлять ненужную инициативу? Скажут уволить - уволим.

^{x)} Стольник - сто рублей.

- Хорошо, идите, - неожиданно успокоился директор.

Правильно, что я не утверждаю его в должности главного инженера, пусть побудет исполняющим обязанности ещё пару лет, пока не разучится давать начальству советы.

НАША "МАМА" УХОДИТ

Едва различимые фигуры людей в белых клубах пара напоминали дантово чистилище. По белым кафельным стенам душевого класса стекали струйки воды, образуя на полу грязные лужиц.

В раздевальном отделении, прямо у входной двери стоял стол - близнец миллионов столов в конторах и учреждениях. На столе лежала стопка простыней, а рядом с ними две наколки для входных билетов и талонов на белье.

Банщик Серега Корин, по кличке "Серый" скучал уже часа три, а Семена всё не было. Скоро вечер, и народу будет, как грязи, опять очередь до первого этажа, а пива осталось только четыре ящика.

Слава богу, алкаш по кликухе "Раб" заполучил где-то две вязки веников и всего за бутылку борматухи, так что небольшой табаш^{x)} обеспечен. Но тут "Серый" допустил оплошку, выдав "Рабу" борматуху не в конце смены, как следовало, а немедленно по получении веников. "Раб" мгновенно выхрал борматуху и теперь в углу иногда слышалось только его мычание.

Грустные размышления "Серого" о нехватке пива прервала компания четырех молодцов, словно сошедших с иллюстрации книги Чезаре Ломброзо. Но "Серому" была неведома книга реакционного итальянского психиатра и криминалиста о преступных типах. Его любимой и единственной книгой в редкие часы досуга был УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС.

Один из молодцев, стоявший ближе всех к банщику, протянул пятеру.

- Шеф, нам пять пива, простыни и три веника. "Серый" внимательно осмотрел молодцев. Нет, это не менты, хотя те могли принимать любые обличья.

- Ребятки, придется добавить еще пару рыжиков.

^{x)} табаш - левый доход.

Другой молодец протянул трёху:

- Сдача не нужно, шеф, только не щеми нас, дай отдохнуть телом и душой. - Да, заодно возьми эти бумажки, - и третий молодец, до сих пор стоящий в стороне, протянул банщику справки об освобождении из лагеря.

"Хорошие ребятки, - с нежностью подумал о них "Серый", - только нужно ласково присматривать за ними, чтобы кой-кого не раздели случайно. Ещё десяток таких компаний и табаш по четвертаку обеспечен."

Так куда же запропастился Семен? Некому собирать в классе бутылки и маромой уносят их непрерывно. А бутылки - главный хлеб банщиков.

Семен появился как всегда неожиданно. Его способность материализоваться из ничего опровергала марксистские законы бытия.

- Ну, что, подписал Паша-людоед выезд? - Выдав веник голому чурке^{x)}, "Серый" незаметно передал Семену пачку денег.

- Нет, наш вождь боится, что я сбегу через венгеро-австрийскую или венгеро-югославскую границу. Да я бы и сбежал, - чего не бежать-то, только детей жалко. Их тут за это живьем сокрут. Открой окно, "Серый", не бойся простуды. Лучше простуда, чем туберкулез, а в этом тумане наши легкие каждый день заполняются всякой гадостью.

Они работали вместе в бани сиамскими близнецами больше года. Собственно, Семену год назад было просто некого выбирать. У банщика Бориски уже был напарник - армянин Гоша. Гоша занимался боксом и мечтал из бани податься в сапожники, считая, что там доход больше, да и банный воздух-коктейль из табачного дыма и белого пара не давал ему возможности полностью выкладываться на тренировках.

"Рыжий" с Вадимом часам к двенадцати уже нажирались борматухи до потери сознательности и как партнеры были невыгодны. Оставалось трое банщиков: единственный коммунист в бани "Тонотик", Жуков по кличке "Маршал Жуков", бывший начальник производства крупного завода, и "Серый".

^{x)} Чурка - прозвище, данное жителям Средней Азии.

"Тоннотик" у всех пытался занять денег, которых у него никогда не было, и которые, если удавалось занять, он никогда никому не отдавал.

"Маршал Жуков" с первого часа знакомства стал рассказывать легенды о своей честности и не нужно было обладать талантом Кассандры, чтобы понять, что к концу смены останешься без чирика.^{x)}

Оставался "Серый". Этот щустрый тридцатилетний мальчик с незаметной внешностью сразу привлек Семена. Уже потом, через полгода, когда их общее дело перешло в отношения, которые люди называют дружбой, "Серый" объяснил, что незаметность – единственная для них возможность выживания на свободе.

– В моем коммерческом мире, – говорил он гордо Семену, – человек должен быть незаметен – сливаться с массами. Менты кого чаще всего хватают: рослых и громкоголосых.

Говорят, что сам человек творец своей судьбы, своего счастья и своих бед, но "Серому" сильно не повезло, и он был дважды несчастный человек.

Во-первых, с ним в одной квартире жила бывшая жена – алкоголичка. Когда она нажиралась бормотухи, а нажиралась, как правило, через день, то становилась настоящей фурией. Не раз "Серый" предлагал ей бросить работу в автопарке, предлагая каждый месяц выделять по пятичатке^{xx)} на двух детей и хозяйство. Но колLECTИВИстское начало побеждало в ней, так как пить она могла только в родном коллективе.

Второе несчастье заключалось в погоне за абсолютом, за несбыточной мечтой, ибо как не крутился, он никак не мог заработать в месяц "тонну", – как говорили негоцианты или тысячу рублей, как обычатели.

Всё началось пару лет назад о пустяшной информации, будто тысячу в месяц получают маршалы. Будучи рядовым запаса, надеясь на такую зарплату было немыслимо, но заработать тысячу рублей, не одевая маршальской формы, стало его мечтой. Иногда не хватало какого-нибудь несчастного чирика, и не раз

^{x)}Чирик – десять рублей.

^{xx)} Пятичатка – пятьсот рублей.

Семен предлагал недостающие до "тонны" деньги, но "Серый" всегда гордо отклонял деньги, заявляя, что коммерческий человек должен рассчитывать только на себя.

В прошлом месяце, который венчал полугодие, казалось, что мечта о маршальском жаловании сбудется. В эти последние дни месяца тысячи людей скучали в магазинах и универмагах, выброшенные на прилавок, джинсы, куртки, платья импортного происхождения, словом всё, что обещало хоть небольшую прибыль. Множество людей образовывали очереди, по длине равные тяжеловесным составам, и во главе их гордо шагали кавалеры орденов и знатные ударники труда.

В один из последних дней месяца "Серый", за треху, получил информацию, что утром в Гостиинном дворе выкинут югославские женские дубленки, и битых три часа стоял перед главным входом универмага. Толпа людей с лицами, полными утренней печали и отрастным желанием расстаться с денежными знаками, окружала его.

Ровно в десять утра двери были распахнуты и началась гонка к прилавку. Ловко оттолкнув старушку и перепрыгнув через упавшего паренька, "Серый" помчался на второй этаж в отдел верхней одежды. Сзади неслись крики задавленных.

Но он не стал первым в очереди, мгновенно образовавшейся в пустоте коридора. Впереди стояли пять молодых людей, все с аккуратно подстриженными усиками и затылками.

"Менты, - подумал "Серый". Не нужно им никуда бежать, не нужно ничего ждать. Как хорошо быть ментом, да не просто ментом, а обэхэсником. Не только дефицит, но и вся страна принадлежит им. Только они обладают правом хваталово, отнималово, вязалово, тацилово и сажалово."

- Граждане, не толитесь, дубленок только пятнадцать штук, - перебила его завистливые думы о ментах продавщица.

"Наконец-то, маршальское жалованье у меня в кармане", - решил "Серый", выписывая чек. Прямо у кассы его перехватила женщина восточного типа лет тридцати.

- Дорогой, отдай шубку, за ценой не постою, - услышал он горячий шепот дальнего востока.

Вот он - живой стольник и никаких заморочек, передавая женшине чек и одновременно укладывая в лопатник бабки, - решил негоциант. Но заморочка бродила всего в десяти шагах.

Это был одинокий, вольный охотник за денежными знаками, трепетно ищущий свою жертву, и жертва радостно шла прямо на него.

- Вот, наконец, мы и встретились, молодой человек, - сказал тихо, но гордо охотник, предъявляя жертве коиву капитана ОБХСС. - Сколько сняли за ў дубленку? Сто рублей или больше?

- Гражданин начальник, детей кормить нечем, двое их у меня, - сделав самое жалостливое лицо, - забормотал "Серый". - Первый раз в жизни, клянусь, решил заработать полтинник, - и самая настоящая слеза блеснула у него на щеке.

- Ценою за честность, молодой человек, а сейчас прошу вас пройти за мной в соответствующее учреждение.

"Серый" вздрогнул, вспомнив, что в лопатнике у него лежат полторы тысячи. Всё, сволочи, отнимут, оштрафуют на стольник в лучшем случае, да еще на работу бумагу пошлют.

Сделав несколько шагов, капитан, вдруг, остановился и пристально оглядев "Серого", прошипел:

- Ну, ладно, гони четвертной штрафа и больше никогда не попадайся мне на глаза.

Как дешево стоит свобода - всего четвертной. Он был готов отдать даже стольник и оценил находчивость, мужество мента, кусающего бабки под видом штрафов. Нет, хорошо все же быть ментом, но вдруг вспомнил, что в лопатнике у него только сотенные бумажки.

- Подожди, начальник, разменяю сотню в кассе и отдам.

- Нехорошо обманывать старших, - нахмутившись прошипел капитан, - ведь сотню снял сверху! Ладно, я добрый сегодня. Сказал четвертной, значит четвертной.

"Серый" быстро разменял стольник и, вручив вольному охотнику положенный четвертной, мгновенно растворился в толпе. Мечта маршальского жалованья осталась мечтой.

- Вот такая, Семен, история, а смысл её прост как мычание. Одним словом, делиться нужно со всеми, чтобы выжить, - добавил "Серый", подходя к столу банджика с ящиками пустых бу-

тылок, собранных в зале. — Представляешь, сколько бабок собирает под видом штрафов вольный охотник за денежными знаками. Уверен, что за пару часов насобирает больше капусты, чем инженер зарабатывает за месяц. И хотя подставляет собственную задницу, всё же хорошо быть ментом.

— Бог с ними, с ментами. Они все маромой и непрерывно закладывают друг друга. Ты бы, "Серый" лучше собрал ящики пустой посуды. Пару рыжиков отдай приемщику, сам говоришь,idelberg нужно, а на остаток купи пару ящиков пива. Так и будем крутить посуду. Это соответствует формуле товарища Маркса: Товар — деньги, деньги — товар.

Зал потихоньку заполнялся, и "Серый" начал торопливо укладывать посуду в рюкзаки.

— Ребятки, слышали потрясающую новость, — ворвавшись в зал, прокричал банщик Бориска. — "Наша мама" уходит.

Следом за ним осторожно, как будто за ним крался мент, вошел новый банщик Миша.

— Куда же "Нашу маму" уходят от нас? — Новость потрясла "Серого".

— Говорят, — и Бориска радостно заулбался, — что Паша-людоед переводит её в баню на "Фонарях". Отличная там банька, два класса, "сауна-люкс", и будет наша мамуля в бабках купаться.

— Эй, Бориска, не все так просто в нашем банным деле, — и Семен подтащил к столу ящик пива. — Там же рядом и птеродактили с исполкомом и УВД живут и бродят стадами. Они Нашу мамулю живо отловят и схавают.

Банная революция и будущая замена вождя в бани потрясла банщиков. Нужно было для себя быстро решать вечную проблему, что делать. На этот вопрос мгновенного ответа не было и даже классики марксизма ничем не могли помочь.

Только банщик по кличке "Рыжий" твердо был уверен, что бормотуху будет глушить при любых банных вождях, и тут же у стола банщиков засосал бутылку "Агдама", крякнул что-то не-членораздельное и погрузился в ипохондрию.

Посетители приставали к банщикам, требуя пива и веников, но на них уже никто не обращал внимания.

- Я, ребятки, - вдруг нарушил молчание Миша, - договорились с Мамой о переходе в баню на "Фонари".

Бориска, тот даже руками замахнул от возмущения.

- Да ты, Мишка, просто жук халивный.

- Ребятки, зачем волноваться. Мне Наша мама обещала взять с собой тебя, Бориска, "Серого" и Семена. Решать вам всем надо быстро. Сами понимаете, неизвестно кого Паша-людоед сюда поставит и какие порядки новые установит. А Мамулю мы знаем хорошо.

Да, Маму мы знали хорошо. Это была полная, крикливая и очень молодая дамочка лет тридцати пяти. В бане Мама появлялась не чаще, чем раз в неделю, а все свое рабочее время отдавала семье, и как трудолюбивая пчелка, тащила в свою норку всё, что представляло хоть какую-нибудь ценность. Главный мамулин метод управления баней - крики сотрясали все четыре этажа. В эти минуты всё живое пыталось исчезнуть. Особенно доставалось Вадиму с "Рыжим" за непрерывное потребление бормотухи, а Тоннотика она не терпела и жрала его поедом. Зато была отходчива, работать не мешала, да и бабок с баников ненимала, не то что в других банях.

И прикрышка у нее была, не то чтобы мощная, но в отдельных случаях срабатывала. Мужик ейный работал в одном из многочисленных управлений внутренних дел. Местные менты её не трогали и баню не трясли, а на ментов в небольших чинах она, было, сама покрикивала.

- Мишка, передай Мамуле, что перейду к ней на "Фонари" попозже. Мне к дружкам в Венгрию ехать нужно. - Простчитав все варианты, добавил Семен, - считаю, что поездка за рубеж, как подарок судьбы и важнее любой самой прибыльной работы.

- Зря ты так, Семен, работа важнее. А в любой работе самое главное - начальник. Запомни основной закон: каждый следующий начальник хуже предыдущего, как бы не был плох старый и хорош новый. С нашей Мамулей всё ясно и понятно. С ней работать можно.

"Серый" бинтром добил рюкзаки посудой, и как агент-парашютист, надев один спереди, а другой свасти, Мишке бросил:

- Передай Маме, чтобы не забыла меня перевести на "Фонари".

- Бориска, почему молчишь? Разве ты не отправишься с нашей Мамой на "Фонари"?

- Не знаю, коллеги. Скоро лето, а летом моя главная работа - бабки колотить. Работать летом в бане бессмысленно: доход маленький, а хлопот выше головы. Я - гуманист и просветитель, абитуриентов в медицинские вузы готовлю. Зимой у меня только один ученик Гоча с Кутаиси, но зато самый любимый. Учить его одно удовольствие. Гоча не знает русского языка, а я - грузинского. Представляете, друзья, за четыре года обучения довел все же Гочу до девятого класса средней школы, а ведь у него уже есть диплом об окончании средней школы. Зато пятерку за урок платит исправно.

- Слушай, Семен, не хочешь ли в мое дело процентов на десять войти? Обязанности простые: аркань абитуриентов у вуза за хобот и ко мне. Можешь им всем оказки рассказывать, что я лучший преподаватель в городе. Подумай хорошенько, за каждую голову полтинник иметь будешь.

- Ой, не знаю, Бориска, что тебе и ответить. Дело новое. В него врубиться надо.

Банщики понемногу начали расходиться. Первыми, решив отложить затарку пивом до утра, ушли Бориска и Миша, а затем с трудом поднялся "Рыжий" и пошатываясь закричал на всё раздевальное отделение: "Не дадим занести зеленого змия в Красную книгу охраны животных!" У двери он качнулся, рыгнул, оглядел мутными глазами зал, толкнул дверь ногой и пропал.

Семен остался один. Он работал как автомат. В его руках мелькали билеты, простыни, сданные на хранение вещи, веники, пиво и деньги, - он размышлял о карме, которая закинула его в эту грязную, вонючую баню. А сколько нужно было приложить усилий, чтобы попасть сюда. Он ведь один из тех тысяч соотечественников, которые упрятав дипломы о высшем образовании, устремляются в магазины, бары, бани, кладбища, словом туда, где пахнет капустой. Никакие опасности и будущие беды не останавливают, а против них, умудренные шестидесятилетним опытом, все карательные органы страны. Они попадаются тысячами, и

и отправляются в места не столь отдаленные и не слишком обжитые. Но на место павших героев встают новые. А за каждое место опасное и хлебное начальникам-коммунистам нужно бабки заработать. Нет, твердо решил он, пока родная партия не разъяснит, как можно прожить втроем на зарплату инженера сто пятьдесят в месяц, меня обратно в ИТР можно загнать только под автомата.

"Серый" вошел в раздевальное отделение, согбаясь под тяжестью рюкзака.

— Еще одна такая ходка, Семен, и до вечера мы затарены пивом. Налко, далеко ~~шагиши~~ таскать приходится, аж с самого Московского вокзала. Котати, к тебе в класс не заходил Володька-теплотехник с каким-то черным. Володька мне успел шепнуть, что это новый наш "папа". Он не то ингуше-чечен, не то чечено-ингуш, одним словом, черный, но парень щутрый и уже ушел у Володьки отнять его же гараж.

— А ты, "Серый" разоист. Сколько раз объяснял тебе, что нет ни черных, ни белых. Для меня все равны: черные, белые, серобуромалиновые, русские, евреи, китайцы. Закон в жизни один, плати бабки и проходи.

— А ты не занешь, "Серый", как попал в баню Мишка? Насколько мне известно, Паша-людоед не ставит в бани людей с высшим образованием. Если мне не изменяет память, Мишка читал в индустриальном техникуме курс лекций о технологии обработки металлов.

— Воё ~~шеш~~ правильно, Семен. Как говорят в таких случаях французы, ищите женщину. Во всем виновата Оля — его жена. Жрала его каждый день и грозила навсегда изгнать из своей постели, если он не будет приносить ей по триста рублей в месяц. Бедняге пришлось купить у врача за столыник бумагу, что он после гриппа разучился читать и писать. С этой бумагой, да еще с красной книжечкой коммуниста, он и пошастал к Паше-людоеду. Что там было, не знаю, но видно людоед снизошел к своему товаришу по партии, и бывший преподаватель неожиданно стал банщиком в нашем предприятии. Теперь, вместе с Тощотиком, у нас в бане два коммуниста, и они, наконец, могут организовать партячейку.

— Любит Мишка эту шлюху, — подкидывая к столу банщиков вязку веников, — добавил Серый, — а она, тварь, ложится в постель с каждым встречным. Банк из-за нее готов грабануть, не то что банщиком работать. Ты представляешь, Семен, вчера при встрече эта тварь заявила, что заняла тысяч восемь на золото, плюряушки, тряпки и мебель под будущие доходы Мишки.

Семен хотел спросить, сколько же нужно крутиться, чтобы возвратить эти бабки, но клиенты начали одолевать их, ибо в бане наступил час пик, когда они не принадлежали себе. Серый называл это время, когда баня забита посетителями, "часом умалишенного птеродактиля". Нужно было крутиться по всему классу и было некогда перекинуться даже словом.

В этот вечер новый чечено-ингушский Папа в бане не появился, а в последний час работы Серый привнес радостную весть, что по тридцатнику они все же сделали.

ГОРНЫЙ ОРЕЛ

Целую неделю новый "папа" или, как его окрестил Семен, "Горный орел" в их душевой классе не заглядывал. Только однажды мельком Семен увидел как Горный орел в окружении целой свиты шастал по бане, осматривая ржавые трубы, заглушки и краны.

— Вот мой приказ по бане, — на второй день рабочей недели заявил Серый, — пока нет никаких банных вождей, нужно со страшной силой бомбить фраеров ушастых.

В этот день банщики затарили тридцать ящиков пива, а в соседней бане закупили пять вязок веников. В конце затарки к ним подскочил маленький кривоногий человечек. —

— Ребятки, у меня за углом машина с двадцатью ящиками пива стоит. Отдаю оптом всё пиво: за ящик по семь рублей, вместе девяты.

— Ну что, Серый, возьмем быстро, — сосчитав табаш, с надеждой спросил Семён.

— Быстро, дерньмо, проваливай отсюда, — заорал неожиданно Серый и мгновенно выкинул человечка за дверь. — Ты что, Семен, ошелел совсем, за бабками решеток не видишь. И воё тебя на уголовку тянет. Да за этим водиловом мент может болтаться. Водилово пиво откуда-то спер, а нас с тобой за окуньку краде-

нного на пару лет отправят куда подалее. Нет, я за лишний стольник пилой "Дружба" в тайге вкалывать не собираюсь. Запомни, всех бабок не заработаешь, и лучше, и безопаснее по зернышку клевать.

Неделя в смысле табаша обещала быть сладкой, но человек предполагает, а господь Бог располагает. Последние два дня оказались совсем голые, а всё из-за этого подонка Топнотика.

Ещё месяц назад, когда Топнотик на работе накрался на холяву, пришел помыться мент в штатском из небольших. Обычно, банщики ментовские шмотки убирали к себе в каптерку. Менты для банщиков — главная власть в стране, и не дай бог что-нибудь пропадет, с дерымом сокрут.

А подлец Топнотик джинсы мента не убрал и их, естественно, или, как сейчас говорят, разумеется, сперли. Мент попарился, помылся и в самом лучшем настроении к себе на место — бутылочку пива у банщика на холяву выпить. А штанов-то и нету. Бориска, присутствуя при этом, рассказывал, что более глупой рожи, чем у этого мента, когда тот обнаружил отсутствие джинсов, он в жизни не видел. Закричал тут мент на Топнотика отчаянно и свирепо. Здесь бы Топнотику бабки менту за джинсы отдать, да бутылочку бормотухи на дружбу раздавить. Так нет же, мудак, кричит:

— Ничего не видел, ничего не знаю, раз не сдал на хранение, ни за что не отвечаю.

Ну, мент покричал, покричал, да вдруг такой тихий стал. Взял у Бориски какие-то драные штаны и исчез.

Вернулся мент через полчаса с каким-то хмырем. У хмыря глаза острые, пронзительные, и стал он носится по бане, словно у него в заднице пропеллер вставлен. Носится по бане и кричит:

— Всю вашу мафию разгоню и посажу. Бегал так с полчаса, пока не устал. А затем, когда на Топнотика бумаги страшные писать начал, выяснилось, что хмырь — майор милиции нашего района.

Топнотик, правда, с перепугу накрался так, что только геловой мог мотать в разные стороны.

Банщики посмеялись и решили, что сокрут менты Ташнотика и на этом, мол, всё закончится. Но на этом всё только началось.

Пятница была овободным от работы днем и Серый с Семеном решили затариться пивом. Когда двенадцать ящиков стояли в калтерке, Семен, вдруг, вспомнил, что у него сегодня день любви. Барышня, по кличке "дворняжка", решила днем смотаться с НИИ, где она бедствовала инженером в отделе проектирования проблем.

Поэдно вечером, когда все проблемы любви были решены, а барышня отправлена домой на проспект Солидарности, неожиданно раздались три коротких звонка. На пороге квартиры с бледным, растроенным лицом стоял Серый и начал выкладывать, даже не сняв шальто:

— Только, Семен, я принес последний рюкзак с пивом, в калтерку вбежал Рыжий. Волосы встали дыбом, а глаза — как у сумасшедшего. Споткнулся о порог и, падая, закричал: "Наверху менты щуряют, все наши калтерки перевернули!"

Я с Маршалом Жуковым кинулся всё притыривать. Работали, как умалишенные птеродактили, и когда менты пришли к нам и предъявили ксивы, мы были спокойны. Открыли им калтерку, а там, как сам понимаешь, было пусто. А им не больно мы нужны. Главное для них кровушки Ташнотика напиться, а ему, подлецу, повезло. Его в этот день в военкомат вызвали. Рыжий, правда, от найденного пива отказался и всё на Ташнотика свалил, но менты ему для профилактики полтинник штрафа за спекуляцию пивом впендирили. Я так думаю, Семен, пока Ташнотика не выперли, надо субботу и воскресенье аккуратно работать. Тем более, что в эти дни Ташнотик также работать будет. Он, сволочь, нас кровных, любимых бабок лишает. Ничего, выживем. Нужно иногда для дела и на голяке посидеть. До завтра, Семен, а то мне деток укладывать надо.

Новый чечено-ингушский Папа появился в душевом классе только на следующей неделе в сопровождении Володьки-теплотехника. Он посмотрел на банщиков пристально желто-тусклыми глазами наркомана, и чуть слышно произнес:

— Я ваш новый заведующий баний, меня зовут Автархан Автарханович Мохамедов.

Мохамедов был ничем не примечательным молодым человеком лет тридцати пяти, одетый по моде середины восьмидесятых годов: в джинсы и японскую куртку. О, если бы банщики могли читать мысли Автархан Автархановича, их бы объял ужас."Нет, дорого обошлась банька, - размышлял новый Папа, а ведь в ней нет даже сауны. Почти три тысячи пришлось выложить Паше-людеду." И все мысли нового заведующего были направлены на то, как быстрее эти бабки отыграть. "Люди - это деньги, - вспомнил любимый лозунг главного баниного вождя Автархан Автарханович, и решил, как можно скорее, заменить всех банщиков. - Наберу-ка я своих людей, а за вход с каждого сдеру по паре сотен. Вот первая штука и отыграна."

Семен вздрогнул, увидев, что тускло-желтые глаза заведующего вспыхнули ярко-желтым блеском.

Автархан Автарханович вспомнил в этот момент штатное расписание бани, которое предоставляло самые широкие возможности для маневров. "Господи, да сколько коммерческих людей в городе мечтают повиснуть на какой-нибудь работе, чтобы только числиться на службе, а зарплату засыпать хозяину! Почти тридцать свободных ставок, да это, - мысленно считал Автархан, - почти две тысячи в месяц! Еще пятихатку можно с банных в месяц снимать. Только крайне осторожно и только через своего человека это делать можно. Нет, не зря я все же баньку купил за три штуки.^{X)}"

Семен, внимательно наблюдая за новым заведующим, понял, что Горный орел ^{орел будет} будущий обомбить баню со страстью своей горской науки. Бежать от этого молодца надо как можно быстрее.

Автархан Автарханович вытащил блокнот и с непроницательно строгим выражением лица двинулся по раздевальному отделению душевого класса, на ходу делая какие-то пометки в блокнот. Семен с Володькой-теплотехником составляли его свиту.

Семен был наслышан, что основное внимание в бани Горный орел уделяет туалетам. Рыжий с Вадимом, отставив в сторону бормотуху, радостно их драили. Горный орел, проверяя их каждый час, объяснял, что туалет - лицо бани, и пока он здесь работает заведующим, работа банщика будет оцениваться по качеств-

^{X)} Штука - тысяча рублей.

и уборки и эстетическому оформлению туалетов.

- Семен Львович, - вам придется за три дня привести класс в такое санитарное состояние, которое соответствует требованиям объединения бани, - строго оглядев банщиков и просмотрев блокнот, объявил Автархан Автарханович. - Через месяц я начну капитальный ремонт бани, а пока ваш класс будет работать. Прошу срочно освободить две калтерки, вам достаточно одной, и, кроме того, срочно, в течение завтрашнего дня приведите в порядок туалеты. О проведении ремонта туалетов доложите мне лично. Да, и последнее, если увидите Бориса Александровича, - я его назначил бригадиром банщиков, - срочно пришлите его ко мне.

Автархан Автарханович, сделав руководящие указания, исчез через черный ход, а Семен помчался к "Серому" сообщить радостную весть, что им ближайшую неделю придется пахать без выходных.

- Слышал, Серый, наш ткалетный Папа совсем свихнулся. Мы, что, должны ночевать в этой грязной лоханке без отдыха? Я тут свое здоровье за бабки предаю и еще должен за свои деньги баню перестраивать!

- Чего ты волнуешься, Семен, банные вожди приходят и уходят, а банщики остаются. На наше горе нам достался Папа-строитель. Понимаешь, есть заведущие, которые только лениво бомбят бани, а есть и меньшая категория, которая энергично бомбит и энергично строит. Мельком слышал, как один заведующий в какой-то бане на Моковском проспекте вконец разорил банщиков, но все же за три года построил кассу из мрамора. В объединении на об obrании партхозактива Папа-людоед объявил, что стоимость строительства мраморной кассы в три раза превысила стоимость бани.

- Тебе легко жить, Серый", ты человек невежественный, высшим образованием не отягощенный. Когда-то, в Египте правили фараоны. Некоторые из них отстроили пирамиды и разоряли подвластный им народ по-черному. Нам о туалетном Папой, мечтавшим построить на наших костях маленький банный БАМ, не спраться. Давай с ним не спорить, со всем соглашаясь, делать все потихоньку, по-своему. Ты быстро оформляй переход в баню на

"Фонари", а я пошастаю в Венгрию, если власти отпустят, а когда приеду, поишу себе сладкое место.

Народу в бане было немного, пива и веников достаточно, но банищики твердо решили не заниматься туалетными работами. Поболтать им, однако, не удалось. Сначала в их душевой класс ворвались мученики писсуаров, знатные ударники туалетного труда и поклонники "Агдама" - Рыжий с Вадимом. Постепенно и другие банищики, взволнованные светлым будущим, собрались в душевом классе. Не было только гуманиста и просветителя, последователя Кирилла и Мефодия, Бориски, а также подлеца Тишнотика.

- Рубячки, у меня горло пересохло и руки трясутся, налейте стаканчик, ради Христа, - канючил Рыжий.

Серый с Семеном имели бутылку бормотухи, присененную для Раба, но тот, вероятно, пропал навсегда, ибо по неосторожности ему выдали вперед сорок рублей, чтобы Раб притараканил четыре ящика пива. На всякий случай Бориска отобрал у Раба серпастый и молоткастый паспорт, но что касается в сравнении с сорока рублями, унесенными Рабом, исчезнувших в дебрях большого города?

- Серый, выдай туалетному брату бутылку, - зная, что ~~мы~~ от Рыжего не отвязаться, - попросил Семен. - Присоединяю бутылку коньяка в честь последнего дня работы в славном трудовом коллективе. Паша-лодоед мне уже подписал переход в баню на "Фонари" и завтра Мишка радостно улыбался: я уже у мамули!

Кто-то из посетителей пожертвовал лимон, но Рыжий категорически отказался пить коньяк. "Только бормотуха дарует счастье трудовому человеку", - гордо заявил он, уводя Вадима в дальний угол класса.

Стакан коньяка превратил баню в волшебный дворец, грязный в подтеках пол стал походить на ярковеленную траву, по которой скакал на рыжем скакуне Автархан Автарханович. В руках у него было лассо, за плечами карабин, а на голове ковбойная шляпа. Рядом с ним скакал на белом жеребце Бориска и указывал пальцем на далекую от них опушку леса. У ворот волшебного двора, над которым загорались и гасли неоновая надпись "Смерть банищикам", окруженные стражами, лежали связанные Рыжий, Вадим

и Мишка. Толстомордый стражник одной рукой держал нож у горла Мишки, а другой вытаскивал у него лопатник из кармана. Семен с Серым мчались из последних сил к далекой еще опушке леса, но Семен так и не увидел развязки сна.

Убийца сна Бориска с озабоченным лицом вошел в класс с папкой в руках.

— Ну вот, ребятки, за что боролись, на то и напоролись. Пару часов общался с Горным орлом. У меня для вас новости. Естественно, одна хорошая, а другая плохая. Начну с хорошей. Сегодня Горный орел застращал и уволил Тешнотика. Слава богу, менты на время оставят нас в покое. Новость плохая — Папа хочет о каждого банщика иметь в месяц восемьдесят рублей. Объяснил мне, что расходы у него большие на перестройку бани и всё такое прочее. А кому, мол, не нравятся его условия, тот может убираться, у него людей за дверью как грязи.

— И ты, змей болотный, смеешь нам это говорить, — схватив Бориску за горло, закричал Рыжий. — Ты что думаешь, я буду корячиться здесь, чтобы кормить этого писсуарного Папу?

Банщики кинулись на Рыжего и с трудом оттащили его от испуганного Бориски.

— Спокойно, спокойно, ребятки. Есть два варианта решения проблемы, — поднося к столу банщиков ящик пива, на ходу бросил Серый. — Первый вариант — не платить ничего никому. Горный орел, разумеется, будет нас щемить, душить и давить. А мы работать будем аккуратно, всё равно летом доход мизерный, а пиво таскать и продавать потихоньку-полигоньку. Вариант второй — валить всем отсюда как можно быстрее.

— Я никуда уходить не буду и никому ничего не платил и платить не буду, — подокочив снова к Бориске, зарычал Рыжий.

— Да он тебя, дурачок, за пьянь уволит. Пару актов накатает и в объединение, а там Паша-людоед с тобой разбираться не будет и по статье пойдешь на улицу. — Бориска вытащил сигарету, наомешливо оглядел Рыжего с Вадимом. — Глупые вы, глупые, да Горный орел слопает вас так, между прочим. У вас одна возможность выжить — засыпать Орлу свою зарплату, а в обмен он, возможно, щемить и душить будет, но не сильно. Ладно,

думайте крепко и запомните, — каждый умирает водиночку. — Для себя он твердо решил быть с Горным орлом в дружбе и, бросив сигарету на пол, он вышел из клаоса.

Но продумать и решить коренной вопрос современности баникам не удалось.

— Эй, шеф, у тебя холодной воды нет! — закричал посетитель с татуировкой Сталина на груди. Он был весь в мыле и, подокочив к Серому начал размахивать руками. В бане начался шум и ещё несколько голых выскочили из мыльной и закричали.

— Семен, быстро метайся в котельную. Узнай, что там случилось. Если холодной воды не будет, скажи к Горному орлу и вылони, нужно ли закрывать душевой класс.

В котельной было тихо. За столом сидели кочегар и Володька-теплотехник. Перед ними два стакана, полбутылки водки, в грязной пепельнице пара обгрызанных огурцов.

— Семен, дружок, присядь к нам, и выпей сто грамм за дружбу. Жалко, закуска кончилась, — виновато улыбнулся Володька, придвигая свободную табуретку, и плеснул водку в стакан.

— Да вы что, совсем обалдели, ребятки. В бане воды холодной нет, нас посетители разорвут на куски.

— Зачем, дорогой, шумишь, я еще пару дней назад предупредил Мохамедова, что сегодня с водой перебои будут. Садись-ка лучше, дружок, с нами и добьем эту бутылку, а то сил больше никаких нет, третий пузырь добиваем.

Этих друзей не раскопаешь, — решил Семен и, выскочив из котельной, помчался искать заведующего бани.

Горный орел стоял на площадке второго этажа, окруженный плотным кольцом женщин. Они кричали одновременно, размахивали руками и пытались добраться до пиджака заведующего.

— Что за безобразие, детей не вымыть, — кричала громче всех высокая блондинка, энергично расталкивая толпу женщин.

— Надо в исполнком писать, в этой бане всегда бардак.

— У меня в соседней квартире инструктор райкома партии живет. Он им всем хвости прижмет, — пообещала худущая женщина со здобрным лицом.

— Деньги берут, а мыть не хотят.

Мохамедов вертелся. Мохамедов затыкал уши. Мохамедов повторял одну и ту же фразу: "Нэ кричите все вместе, не кричите все вместе".

Животастая гражданка, пробившись сквозь толпу, схватила Горного орла за руку:

- Это вы, заведующий баней, как ваша фамилия?

- У меня нет фамилии, - с достоинством ответил Горный орел и, оттолкнув животастую гражданку, выскочил из толпы женщин. Он скрылся в своем кабинете, щелкнув для безопасности замком.

Теперь, когда Папа обежал, Семен твердо решил закрыть душевой класс, иначе скандал неминуем. Он помчался выручать Серого, понимая, что тому водичку справиться с посетителями не удастся.

МОЖЕТ БЫТЬ, ЛУЧШЕ РАЗВОДИТЬ СВИНЕЙ?

Будильник остервенело зазвенел. Семен спросонья безуспешно пытался поймать скачащий железный шар. Целых двадцать лет будильник был самым страшным его врагом, и каждое утро уходило так много сил, чтобы укротить его. Будильник убивал сон, убивал надежду на отдых, убивал утре и выталкивал в мир утренних злых индивидов.

Сегодня надо было пораньше прийти в баню. Серый часа на четыре задержится и пахать утром придется одному.

"Нас утро встречает прохладой", - радостно оповещал приемник, настроенный на московскую волну, но радостного прохладного рассвета не было. Шел мелкий, моросящий дождь и, выглянув в окно, Семен увидел бегущих прохожих в плащах и с зонтиками. Через пять минут он присоединился к ним. У семафора под красным светом стоял троллейбус, но успеть на него можно было только перебежав напрямик проспект. Семен почти ринулся на бросок, но заметил мента, который прятался на противоположной стороне в подъезде дома. Мент выскочил навстречу двум барышням, которые скакали через дорогу, увертываясь на ходу от машина. "Нет, лучше опоздаю, но треху платить не буду," - решил он, и двинулся к переходу.

Не доходя до перехода, он наткнулся на выстроенную под лозунгом "Планы партии - планы народа" цепочку людей, стоявших покорно под дождем в надежде унести домой синюшных цыплят по рубль семьдесят пять.

Но здесь простоять не меньше часа, и хотя его холодильник был пуст, Семен помчался через переход к подошедшему троллейбусу.

Переполненный троллейбус с трудом отошел от остановки. Мелькнуло лицо лотошника, его руки ловко орудовали цыплятами, гирями и весами, кушарами. Семен подумал, что этот парень к вечеру наворует рублей пятьдесят-шестьдесят.

Семен вбежал в баню, когда на часах было без пятнадцати девять. У кассы, как всегда, толпились посетители. Помчался на третий этаж в свой душевой класс. Навстречу ему спускалась старший кассир бани Патрикейвна.

- Для вас, что, Семен Львович, нужно специальное приглашение на работу? Запомните раз и навсегда, вы - банщик, а не министр, и на работу нужно являться во время, за час до открытия бани. И предупреждаю вас в последний раз, если увижу в вашем классе хоть одну бутылку пива, сразу позову в ОБХСС.

"Стоило нашей мамуле уйти, как обнагела, сволочь". Но решил не заводиться, знал, что Патрикейвна способна на любую низость. Обошел раздевалку, мыльную и парилку, убедился, что, слава богу, вода есть, парилка натоплена и раздевалка убрана. Оставалось только получить белье, но Санька-бельевщица - самая большая лентяйка в бане. На двери бельевой - амбарный ржавый замок. Впрочем, с прошлой смены у Семена было заныкано на всякий случай штук пятьдесят простыней и полотенец. Перегнувшись через перила, он крикнул кассиру, что белье выбивать можно не больше, чем на час работы.

- Ой, дорогой Семен, выручи меня, - раздался знакомый голос. На пороге душевого класса появился самый богатый клиент Толька-могильщик. Он был в своей рабочей форме: болотные сапоги, ватник и брезентовые брюки. - Возьми лопатник, там полторы тысячи, положи к себе для безопасности в карман, да одно ототегни треху и выдай мне как всегда.

— Как всегда, это два пива, веник и пару простыней?

— Ты умничка, всё сам знаешь. Жизнь, Сенечка, сплошные муки, — с самым грустным видом добавил он, стаскивая болотные сапоги. — Думал всегда в жизни в плюсе буду, а нигде обахээоники на тонну опустили.. Забыл главный закон социализма: кусать надо потихоньку. Достал, понимаешь, не случаю десять гранитных плит по столицнику каждая, а ты сам знаешь, что каждый памятник на могиле от восемьсот до полутора тысяч стоит. Вместо того, чтобы заныкать их куда подальше и по одной выдавать словорубам... Эх, да что там говорить, жадность фраера огубила, выдал все десять плит на обработку. Правда, к счастью, ребятки не успели нарубить надписи, а то я за эти десять плит еще бы на пятичатку опустился. История обычная, — и Толик отхлебнул одним глотком полбутылки пива. — Кто-то из своих завистников стукнул и примчались менты на двух машинах. Сразу же шасть к словорубам, а у них, бедолаг, представляешь, из ста пятидесяти плит только на двадцать восемь киновок оформлены. Менты и давай пытать могильщиков и словорубов, откуда, мол, и чьи эти сто двадцать две плиты. Все, конечно, в отказку, — кому же охота из-за этих левых плит срок себе крутить. Мы бы откупились, да менты все незнакомые, новые приехали. Покрутились менты по кладбищу, а потом погрузили все сто двадцать две плиты и смотались. Вот так моя тонна и пропала. Ничего, — снимая ватник, улыбнулся могильщик, — сейчас так бомбить начну клиентов, за неделю отыграю.

— Послушай, Толик, тебе морально не тяжело на кладбище работать? Мертвые и всё такое прочее.

— Видишь ли, Семен, вот ты, например, целый день в бане голые задницы рассматриваешь, всякой сволоте угождаешь. Да меня лично ни за какие бабки сюда не загонишь. А ведь я ссыпал у тебя высшее образование и аспирантура. Я тоже молодым в технологке учился, два курса закончил. Еенился рано, двое папанов у меня. Не на стипендию же жить, да правду сказать, и жить было негде, комнату за сороковник снимал. Сначала я в рабочий класс записался. Любил с детства с железяками возиться и за два года фрезеровщиком пятого разряда стал. С начальством у меня контакт был, ни в чем не перечил, полторы нормы

выдавал и зарабатывал до трехсот рублей. На харчи хватало и даже иногда на шмотки. А как срезали расценки, то больше ста восемьдесят выходить не стало. А на эти бабки четыре души не прокормишь. — Толик хлебнул пива из бутылки, одел тапки и ваял в правую руку веник. — И подался я с родного завода по собственному. У них там на заводе какое-то общественное бюро кадров было и начали они вокруг меня прыгать — оставайся! Мол, ты — хороший работник, квалифицированный, не пьющий, где твоя рабочая совесть! Я тут главному инженеру и объяснил подульярно, что рабочей совестью прокормить своих детей не могу. Платите триота, тогда останусь. Главный мне песни стал петь про светлое будущее завода, лучшие условия труда и прочую муру. А я дверью хлопнул и на Южное кладбище. Там у меня дружок бетонщиком работал. Жалко дружка, спился сейчас от больших бабок, а тогда он мне добро сделал — начальству рекомендовал. Начальству я пятичатку прислал, тогда гуманные времена были, а сейчас, Семен, чтобы на мою работу устроиться, пару тонн нужно начальству заслать. Мертвых чего бояться, ты живых бойся, ведь каждый норовит укусить и твой же кусок хлеба из глотки вытащить, а мертвые, они тихие и добрые, кормят и пьют меня и всю мою семью. Разболтался, Сенечка, я с тобой, а у меня на помывку, погрелку и попарку всего часик остался. Возьми лучше рублик, сдачи не надо и поставь мне бутылку свежего пива.

Толик сладко потянулся и направился в мыльную, на ходу бормоча о доброте мертвых и зле живых.

"Стремно работать на кладбище, — погрузился в размышления банщик об опасном и нелегком труде могильщика. — Что же мертвым тоже годами в государственных очередях стоять за памятниками? Живым всю жизнь в очередях стояли, в разряд мертвых перешли, снова, значит, в очередях стой. Неужто и мертвые ихним декретам подчиняться? Нет, слава богу, еще не все могильщики перевелись. За те же денежки за день памятник поставят, а их за это отлавливают и сажают. За что? А за то, голубчики, что покушаетесь на самое святое в нашей жизни — очередь".

— Перед вами душевой класс на восемьдесят мест, — услышал банщик хорошо знакомы голос Горного орла. Автархан Автар-

ханович приоткрыл дверь и галантно пропустил впереди себя двух женщин в белых халатах. Он прыгал вокруг них, ласково им улыбался, преданно смотрел в глаза и делал за их спинами какие-то знаки Семену.

— Послушайте, Автархан Автарханович, и вы, башник, — строго посмотрев на Семена и мельком оглядев зал, твердо поставленным голосом, как на митинге, произнесла одна из женщин в белом халате. Твердый голос и строгий взгляд выдавал в ней начальство, но вот какого ~~лица~~ ранга и откуда, Семен не мог сообразить. — Так вот, — продолжала женщина, — на вашу баню много жалоб, а, главное, в них продажа пива по повышенным ценам и плохое санитарное состояние классов. Вынуждена вам заявить, что я, как заместитель начальника отдела эксплуатации объединения, возьму баню под самый строгий контроль.

Дал бы Горний орел начальству полтинник и дело с концом, — с грустью подумал башник. Сколько их, вымогателей шастает каждый день по бане и всем дай. Бог с ним, с полтинником, потом отыграем.

— Кстати, башник, почему вы один на рабочем месте? Где ваш напарник? И почему на вас серый халат?

Голос начальства стал визгливым, начальство смотрело на башника как на муху, которая осмелилась присесть на торт.

Эту грозную ситуацию разрядил Автархан Автарханович.

— Ирина Александровна, моя вина, я отпустил второго башника в военкомат, но через несколько минут пришло замену и два белоснежных халата.

— Хорошо, — успокоилось начальство, — проверю работу этой смены на следующей неделе, а сейчас прещу вас показать мне женские классы бани.

Теперь, когда начальство смоталось, решил Семен, можно и поработать. Он притаранил из киптерки два ящика пива и занял его под сидения. Чем черт не шутит, вдруг начальство вздумает вернуться.

Неожиданно за окном раздалось несколько автомобильных гудков. Семен приоткрыл окно и увидел, как "жигуленок" белого цвета припарковался прямо напротив его окна.

В машине было двое, За рулем сидел бородатый человек

покойной издали на премьер-министра Гренады Мориса Бишопа. Но бандит твердо помнил по фотографиям в газетах, что Морис Бишоп был "черным". Может быть, изучение марксизма в нашей стране сделало его белым, но в этот момент белый Морис Бишоп вылез из машины, повернулся к окну бани и Семен сразу же признал своего лучшего друга Каддэя Леопольдовича.

Каддэй что-то кричал ему и махал рукой, но, поняв, что Семен из-за уличного шума ничего не слышит, обошел машину, приоткрыл дверцу и наклонился к барышне, которая поправляя волосы, улыбнулась ему.

Господи, мать моя, покойница, да Семен никогда за сорок лет своей жизни не встречал человека, который так пламенно, нежно и отважно любил самого себя, как Каддэй. Это была самая чистая, преданная любовь — любовь, которую можно было встретить в китайских и советских фильмах.

Второй любовью Каддэя был труд, ибо за последние восемь лет он работал только полгода, причем вне зависимости от работы, не больше двух недель на одном месте. Труд для Каддэя стал делом чести, доблести и геройства, и этой всегда восхищало Семена. Иногда ему казалось, что Каддэй нарушал статью уголовного кодекса о всеобщей трудовой повинности с первого дня рождения. Впрочем, когда предполагаемая прибыль пересиливала инстинкт самоохранения, Каддэй нарушал почти половину статей УК. Он был бесстрашен и трусил одновременно, и это помогало уходить от беспощадного закона в самый последний момент.

Во всех своих трудовых начинаниях Каддэй был неудачником. Восемь лет назад, когда он трудился на ниве искусства в Ленконтрете, ненависть к государственному крохоборству привела его в лено негощантов. Ах, какой оказочной казалась машина "Жигули", спроектированная в Милане и изготовленная руками волжских умельцев! Но первая же негощия оказалась неудачной.

Неудачной оказалась и первая революционная сходка, которую устроил в это же время его черный двойник Морис Бишоп в маленькой хижине под скалой на берегу Карибского моря.

И в тот же самый день, когда агенты тайной полиции тащили Мориса Бишопа в единственную тюрьму на Гренаде, его более удачливого двойника не только никуда не тащил, но он сам

совершенно добровольно очутился в подвальном помещении на улице Жуковского с надписью "Прием стеклянной тары".

С утра выстраивалась очередь по длине равная анаконде, и каждый, сдавая посуду, оставлял в кармане Каддя не меньше двадцати копеек. И все же трест Каддя лопнул за месяц. Толстомордый Васька, рабочий, оттаскивая ящики с посудой, каждый пятый ящик передавал через черный ход своим друзьям-алкашам. Алкаши дружно занимали очередь и сдавали оданную посуду, отнимая у Каддя самое дорогое на земле - денежные знаки с изображением вождя. Отработав две недели, Каддя был в минусе на шестьсот рублей, алкаши с Жуковской плакали навзрыд, узнав о его увольнении с работы, а старый папа Каддя-учитель-коммунист, был орочно откомандирован семьей на Таймыр покрывать долги.

И только тогда Каддя понял, что сначала нужно научиться считать. Не сколько дней носился он по городу и лишь случайно обнаружил двухмесячные курсы продавцов-буфетчиков. Толпы людей с высшим образованием штурмовали курсы, но Каддя, исхитрившись, нашел нужных людей и, наконец, после того, как уложил в постель пышнотелую заведующую учебной части курсов, он попал на землю обетованную, где ходчиво объясняли будущим буфетчикам, как обходить статью I56 УК РСФСР.

Вот она, долгожданная синяя книжечка диплома с номером 50285, получив которую, Каддя мог официально вступить в почтную гильдию продавцов-буфетчиков.

Прошло еще полгода, заполненные многочисленными любовными играми, и мечта Каддя сбылась. Он стоял в ларьке у Кировского универмага и, храбро взвешивая дипломированными руками фрукты, выращенные трудолюбивыми колхозниками далеких южных республик.

А в это время его черный двойник Морис Бишоп, сидя в военной камере единственной тюрьмы на Гренаде, мечтал о том, чтобы революционное учение позволило жителям острова не отправлять фрукты в другие страны, а самим пожирать их. И опять на какое-то мгновение сошлись судьбы двух великих сего мира.

Первым через две недели сдался Каддя. Всю свою сознательную жизнь он принадлежал к одной политической партии "макси-

мального получения денежных знаков с минимальными затратами". Реализовать эту программу в ларьке в полной мере было невозможно и он уволился. Хотя нужно честно признаться, что долго ещё счили Кадею гири, сделанные им с большим искусством из прессо-папье и окрашенные в черный цвет. Они ничем, кроме веса, не отличались от чугунных. И ещё долго, во сне, в тот самый момент, когда Каддэйставил бумажные гири на весы, отпуская гражданам апельсины, он просыпался в холодном поту с криком: "Я не виноват, я не виноват!"

— Я не буду за полтинник целый день торчать в ларе, — объяснил он своему другу, вечно исполняющему обязанности главного инженера объединения бани, Кайловскому. — Деньги делать можно только бумажными нирями, но мне казалось, что за мной охотятся все карательные органы Кировского района. Послушай, Пра, ты мне друг, а дружба предполагает жертвы. Я слышал краем уха, что в ваших банях очень доходно работать массажистом. Помоги мне, жружок, буду твоим вечным должником.

— О чём разговор, Каддэя, я схотно помогу тебе, но ты должен достать ксивотку об окончании курсов массажиста. Достань, купи или укради — и можешь заранее считать, что ты работаешь в самой доходной бани города.

Кайловский покровительственно пхлопал Каддэя по плечу, мечтая только об одном, чтобы Каддэй никогда не достал чистого бланка массажных курсов. Он-то знал лучше других, что Паша-людоед никогда, ни при каких обстоятельствах не примет Каддэя массажистом ни в одну баню города. Принять на работу человека, сменившего за последние пять лет четыре фамилии, три национальности и около десяти профессий, для директора объединения бани Павла Семёновича Рыбака, по кличке Паша-людоед, было немыслимо, а просьба вечно исполняющего обязанности главного инженера Кайловского, только убедили бы его никогда не совершить этот роковой шаг.

И с этого неосторожного обещания Кайловского, все время, свободное от любовных приключений, Каддэй тратил на изучение массажных трактатов и поиски проклятой, но так необходимой, конви.

Каддэй появился на пороге душевого класса таким аллегант-

ним, что даже у самых добродетельных девушек, в чем твердо был уверен он сам, трусики должны лопаться от одного на него взгляда.

— Банщики, быстро веник, две простины, бутылочку пепси и тапки, — закричал он так громко, что несколько посетителей неизвестно оглянулись на него. — Разумеется, всё бесплатно, так как с сегодняшнего дня я принял решение разорять банщиков.

Он небрежно кивнул Серому и, подскочив к Семену, зашептал на ухо:

— Во первых, возьми крест, да осторожно, он золотой, пятачок стоит и бумажник с бабками, а, во-вторых, нужно поговорить с тобой об одном важном деле.

— Но от Сего у меня нет секретов, — ответил нарочито громко Семен, одной рукой выдавая клиенту бутылку пива, а другой, протянув Каддею две простины и веник. — Мы целый год делим чертвый хлеб пополам и, если хочешь, говори о деле, но только при нем или вообще ничего не говори.

— Ладно, Семен, поработай один, а то у нас пиво заканчивается, — и схватив рюкзак, Серый быстро выскочил из класса.

— Сенечка, милый, не обижайся, пойми, это очень важное дело для нас обоих. Доверяю только тебе, все остальные подонки и хапуги. Цени доверие, банщик, и соглашайся, пока не поздно. При хорошо налаженном деле гарантирую прибыль не менее восемьсот процентов на вложенный капитал. А всего для начала нужно с носа рублей по четыреста.

— Да ты, Каддя, совсем с ума сошел, такой процент прибыли получали только первые конкистадоры.

Семену заранее было ясно, что вложенные четыреста рублей не только не дадут прибыль, — их он потеряет навсегда. Но зловещий яркий блеск в глазах Кадея манил его, как манит мотыльков яркая лампа.

— Банщик, внимай меня внимательно. Четыреста рублей не деньги и, если дело выгорит, в бабках купаться будем. И не волнуйся, дружок, ничего криминального. Сам понимаешь, что самое главное в нашем деле — полное соблюдение всех существующих законов. Гарантирую тебе, власти нас благодарить будут, а, может быть, и наградят. Ты ведь за всю свою беспутную, воров-

скую жизнь не получил не только ни одного юрмы ордена, но даже и медали. А тут слава, почет, награды. Вы, бандиты, народ вороватый, а самое страшное, невежественный. Газет не читаете, радио не слушаете и даже телевизор смотрите от случая к случаю. Я, может быть, Сенечка, последние два года ночей не сплю, всё думаю, как помочь родной партии продовольственную программу выполнить.

— Что же ты, хлеб решил выращивать или помидоры, — обидел окончательно Семен.

— Зачем хлеб или помидоры, — с достоинством римского патриция ответствовал негориант. — Будем вместе выращивать свиней. Не всю же жизнь тебе торчать в грязной бане. Я твой друг, и вместе с родной партией непрерывно думаю о том, чтобы сделать твою жизнь зажиточной и счастливой.

— Послушай меня, Кадда, внимательно. Я в жизни занимался многими делами. Был солдатом, рабочим, студентом, инженером, начальником, продавцом и вот, наконец, бандитом. Но, уверяю тебя совершенно искренне, что никогда, даже в самые тяжелые периоды жизни, не выращивал свиней. Признаюсь тебе честно, что имел дело со свиньями лет двадцать тому назад, и дал тогда себе страшную клятву никогда ничего с этими тварями общего не иметь.

Занятная это была история.. Семен принял от голого человека треху, выдал молча пять бутылок пива и рассказал свою историю:

— Нас тогда от предприятия в колхоз добровольно послали шефскую помощь оказать, но были мы молоды и глупы, и оказывали, в основном, шефскую помощь деревенским барышням на сеновале. А перед самым отъездом из колхоза меня ихний бригадир вызвал. Поедешь, говорит, на мясокомбинат свинок сдавать. Вот бумага на свиней, а вот и сами свинки. Он подвел меня к полуторке. В кузове копошились десять этих тварей. Бригадир дал мне палку и предупредил, что свинки обладают мощным коллективистским инстинктом, и если хоть одна из них выскочит из кузова, то все остальные бросятся следом. Затем, бригадир прибавил пару матерных фраз, смысл которых сводился к следующему: мол, не довезешь свинок, пеньяй на себя. Сейчас я сумел бы сва-

дить о этого дела, а тогда по молодости глуп был. Считал, раз начальство поручает мне свинок перевозить, значит, так и надо.

Первые три километра мои хришки спокойно себя вели, только трахались со страшной силой! А потом началось! То ли почувствовали, что их на Голгофу везут, то ли транспорт им не понравился, только отали мои свинки пытаться из кузова выско- чить. Одна из них, как сейчас помню, с черными пятнами на спи- не и злобным взглядом, весом не меньше четверть тонны, прижимает меня к стенке, а другие друг на друга вскочить пыта- ются и на полном ходу выскочить на дорогу. Слава богу, до мя- сокомбината всего километров двадцать было. Палкой только от тварей спасся и усмирил, а они, гадины, меня всего обгадили с ног до головы. Синяков штук пятнадцать на теле потом сосчи- тал. С машины соскочил и чуть с ног не свалился, а бригадир тут как тут на мотоцикле, подскочил и спрашивает, сквачь, внимательно, ласково так:

— Ну что, Сенечка, со свинками общий язык нашел?

— Нет, Калдя, на старости лет на свиное дело меня не под- писывай.

— Не ругайся, малыш, транспортировку готовой продукции наших дорогих хришек я возьму на себя. В ближайшее время снимем какой-нибудь сарай-развалюху поближе к городу, где-нибудь в Тайцах, Лигово или, на худой конец, в Ольгино. Тачку свою завтра переоборудую для перевозки отходов и хришек. Нашел по случаю одного ханзы. Он за три бутылки водки и полтинник го- тов не только наварить на прицеп откидную камерную клетку, но и полгорода в три ряда колючей проволокой обнести. Запомни, банщик, клетка уничтожает любые колLECTИВИстские причуды.

Калдэй открыл новую бутылку пепси-колы, подбоченясь встал у отола банщика, гордясь своей новой иннишней свиной идеей.

— Име, все же, не понятно, где ты собираешься добывать корм для своих дорогих хришек?

— Это совсем просто, банщик. Подумай своей головой. Для чего, ты думаешь, на свете существуют женщины? Помнишь рыжую стерву Зосю? Да где тебе вспомнить! Ты и своих-то барышень не воех помнишь! Она сейчас большим человеком в городе стала — кабаком на Петроградской стороне заведует. У нее отходов за-

день работы кабака на сто свиней хватит. Придется, ради интересов фирмы, опять с ней раз в неделю. Зато, дружок дорогой, корм на халяву^{x)} получать будем. В нашем финансовом положении это немаловажно. Еще полтинник уйдет на постройку забора вокруг сарайчика, чтобы наши хрюшки не разбежались. Купим в колхозе или совхозе три десятка маленьких поросят. Всё совершенно официально, и бумагу на покупку оформим с печатями и подписями. Главное, рамок закона держаться, а власти нас трогать не будут. Десятидневные поросята стоят, я узнавал, смешно сказать, по чирику за штуку. Дальше совсем просто. Ухаживать нужно за нашими хрюшками и кормить их на убой. Представь, Сенечка, сидишь ты у забора, думаешь о бренности человеческого существования, а вокруг природа чудная, птички поют, всякая живая тварь веселится. Наши свинки на природе в весе прибавляют, а к вечеру я на тачке приезжаю с кормом для дорогих малышей. Через четыре месяца каждый из них будет весить не меньше ста пятидесяти килонграммов. И вот тут-то мешки под бабульки подставляй. Надеюсь, что за вычетом расходов, каждый штуки по три сделает.

— Мне кажется, ты идеализируешь свиное дело. За свинками уход нужен и где мне одному оправиться. Ты, я вижу, уже назначил сам себя президентом нашей фирмы с ограниченным участием в труде.

— А что ты от меня хочешь, банщик? Тачка моя и корм беру на себя. Нужно, людей наймем. Вон сколько алкашей по улицам бродит. Они за бутылку "Агдама" дот своей грудью закроют, а тут всего-то делов, свинок поохранять!

— Нет, Каддя, я лучше клиентов в бани потихоньку бомбить буду. А алкашей я знаю лучше тебя. Да, если бы не алкаши, банщики стояли бы на паперти с протянутой рукой. Но попробуй, оставь алкашам хрюшек на часик поохранять, они тут же загонят их за ящик "Агдама", а сарай подожгут с четырех сторон.

— Ладно, Сенечка, я тебя не уговариваю. Чтобы заниматься бизнесом в нашей стране, нужен риск, а у тебя его нет. Мои же проблемы ты знаешь, — не работаю полгода и менты обложили со всех сторон. Если в течение месяца не устроюсь на ме-

^{x)} На халяву — получать что-то бесплатно.

то халтурное, отправят за тунеядство, куда подалее, большие заводы за бесплатно строить. У большевиков это быстро. Слава богу, участковый мент меня защищает, он у меня прикормленный, пока от всех напастей спасает. Одно мне осталось, — и голос Каддэя дрогнул, — кинотеку массажиста любым способом достать или устроиться куда-нибудь для отмазки, а самому заняться привычным делом брачного афериста. Хорошая работка, только больно хлопотно с женщинами дело иметь.

Каддэй надел золотой крест. Каддэй дешевую бутылочку пепси. Каддэй слегка потянулся.

— На днях приеду к тебе в гости с новой невестой. Форма одежды парадная — фрак, цилиндр и, подчеркиваю, банщик, свежая рубашка.

Каддэй накинул на плечи куртку и исчез из душевого класса.

ПРАВИЛО ПИРАМИДЫ

Никто из руководящих работников городского объединения бань не мог понять, почему Паша-людоед назначил на должность главного инженера Юрия Михайловича Кайловского. Завистники, сами метившие на заветное кресло, рассказывали о Кайловском страшные истории. Послушав их, выходило, что Кайловский, используя свое служебное положение, перетрахал всех барышень объединения и обложил оброком всех банщиков и заведующих банными.

Главный механик объединения, а по совместительству председатель народного контроля Сотов, изгнанный с прежнего места работы за взятки, вымогаемые с инженерно-технических работников завода за освобождение от добровольных поездок в колхоз, гадил главному инженеру со всей страстью своей недожинной натурь.

С настойчивостью Катона, требовавшего в римском сенате разрушения Карфагена, Сотов уверенно повторял каждый вечер своей жене, что сократит этого еврейского подонка со всеми потрохами.

Сотов ежедневно портил, принадлежащее объединению оборудование

дование, а по вечерам писал доносы на главного инженера в руководящие инстанции. Самыми сладостными мгновениями жизни стали для него эти вечера, посвященные творчеству. Как может занимать руководящую должность инженер, у которого половина родственников эмигрировала в США и Канаду, — сигнализировал он руководителям города.

Впрочем, справедливости ради, необходимо заметить, что на работе Сотов выполнял в орек все руководящие указания главного инженера. С первого дня работы Кайловского в должности главного инженера, Сотову пришлось выполнять двойную работу. Каждый день он приводил в негодность оборудование бани, а на следующий день, по распоряжению главного инженера, исправлял его.

Сам Кайловский, с трудом отличавший молоток от отвертки, был очень напуган своим назначением на должность главного инженера.

— За что он меня так, — жаловался он своему другу-банщику Семену Львовичу Баснеру.

Они сидели вдвоем на квартире Баснера. За окном умирал вечер, но было светло как днем в эту уже наступившую белую петербургскую ночь. И куда-то далеко провалились дела, на душе было тоскливо и радостно одновременно.

Жалобный вопрос Кайловского возвратил банщика в реальный мир.

— Как ты не понимаешь, дружок, что ты самый удобный для Паша-людоеда подчиненный. Во-первых, ты ему не конкурент, во-вторых, толтать, душить и щемить тебя может каждый день, а в третьих, тебе все равно деться некуда.

— Ты знаешь, Сенечка, я, вероятно, единственный в объединении руководитель, живущий на одну зарплату. Взяток, как Паша-людоед и остальные ~~руководящие~~ руководящие крокодилы, не беру, живу скромно, на две сотни раз в месяц. И при всей моей нищете Паша-людоед завидует мне. У меня большая, старинная петербургская квартира в центре города, а **он**, хотя и имеет тысячу восемь в месяц, боится купить даже кооперативную квартиру и ютится в двух маленьких комнатах коммунальной квартиры. Однажды, Паша-людоед пригласил меня в гости. Не поверишь, но

прямо в парадной гадили пьяные пролетарии.

Кайловский задумался, вытащил сигарету из пачки, глубоко затянулся и озабоченно покачал головой.

— Нет, не понимаю, зачем пьяные пролетарии гадят в подъездах старых домов. Ни в "Капитале", ни в "Манифесте" Маркса, нигде не сказано, что пьяные пролетарии после захвата власти должны гадить в подъездах старых домов.

Семен совершенно не волновала эта тема. Он был потрясен огромными поборами, идущими в карман Паше-людоеда.

— Куда он деньги девает? Может быть, он коллекционирует денежные знаки?

— Как раз по поводу денег и твоей дальнейшей жизни в нашем объединении я и пришел поговорить с тобой. А ты, банщик, даже своего начальника, главного инженера, и принять-то не можешь по-человечески. Где "катенька" на серебряном подносе? Где хор цыган или, на худой конец, цыганских евреев? Где, на конец, дорогой армянский коньяк? Твой стол — это не стол за житочного банщика, а стол нищего инженера. Вместо дорогого армянского коньяка — скверный дагестанский, а в качестве закуски — залежанный лимон. Ты что же, Семен, не знаешь, что только при советской власти мусульмане Дагестана, по корану никакого отношения не имеющие к виноградной лозе, стали производить коньяк. — Кайловский опрокинул рюмку коньяка, взял с блюдца ломоть лимона. — Горе мне, начальнику, горе, — печально покачал головой Кайловский. — Своему благодетелю, начальнику и другу посмел поставить на стол дагестанский коньяк. Самое трагическое в твоей судьбе, банщик, что ты сам того не подозревая, нарушил правило пирамиды, на котором основана жизнь не только нашего объединения, но всех торговых предприятий родной страны. Я с таким трудом устроил тебя на халяву банщиком, а ведь это место стоит не меньше пятичатки. А для такого хмыря с университетским образованием, это стоит еще дороже. Слушок дошел до меня, что ты организовал забастовку банщиков, — не хотите отдавать начальнику месячную зарплату, какие-то жалкие семьдесят рублей. А знаешь ли ты, сколько стояла Горному орлу ваша банька? Не меньше трех тонн выложил он Паше-людоеду, а Горный орел тоже хочет немножко покушать и ди-

ректору Паше надо ежемесячно рубликов триста прислать, а то щемить и душить будет. Молчи, не перебивай старшего по званию, — остановил он жестом руки Семена, заметив, что тот хочет что-то сказать. — Ты же, экономист, небось "Капитал" Маркса года три в университете изучал, и неужели тебе не ясно, что только люди создают прибавочную стоимость.

Глаза Кайловского радостно заблестели. Самую большую радость в жизни получал он объяснения своим подчиненным и друзьям, что Волга владает в Каспийское море.

— Пойми, наконец, что Горный орел может получать доходы только с мертвых душ и банщиков и, уверяю тебя, он будет их получать или через месяц вылетит с работы. Запомни, банщик, раз и навсегда. Правило пирамиды гласит: каждый работник торговли и оферн обслуживания должен быть в доле со своим непосредственным начальником. Пойми, Паша-людоед сам не кушает все восемь тонн в месяц, а покорно несет свою долю в управление коммунального обслуживания города. И так по ступеням пирамиды бабульки добираются, ой, мне страшно подумать, — Кайловский от страха замахал руками, — до самой вершины пирамиды. Все в доле со всеми. Это закон нашего времени. А ты, халкий навозный жук, хочешь его нарушить. Тебя растопчут, сокрут прежде, чем успеешь осознать, что же произошло. Но я очень люблю тебя, банщик, и предоставлю последний шанс. Где у тебя чистый лист бумаги? — Он написал несколько слов и передал записку Семену. — Поедешь на Васильевский остров в баню к Антонашке. Предварительно договорился с ней, и она организует тебе переход в свою баню, пока Паша-людоед в отпуске. И запомни, — больше никаких фокусов. Помни о правиле пирамиды.

— Послушай, начальник, одного не пойму, как же Паша-людоед справляется с ментами, обахаиниками?

Кайловский покровительственно похлопал Семена по плечу.

— До чего ты наивен. Разве менты не люди, они, как сам понимаешь, тоже покушать хотят. Зарплата у них маленькая — рублей двеоти в среднем. — не больше, а потребностей раз в десять больше, чем у меня с тобой вместе взятых. Подробностей я, разумеется, не знаю, но на днях Паша-людоед вызвал меня на ковер, потопал, как положено, а затем в доверительной бе-

соде замекнул, что городское управление милиции оставил его, наконец, в покое. Думал, что просто—напросто купил там пару человек. Подкармливает их понемножку, а для пущей безопасности сдает время от времени кого—нибудь из своих.

Семен недоверчиво улыбнулся.

— Не верю я ментам, — произнес он мечтательно. — Они же его и сдастут.

— Конечно, сдастут, — быстро согласился Кайловский. — А ты знаешь, когда мент сдает человека, который кормит его из своих драгоценных ручек?

— Не знаю, Юра, ты начальник, тебе лучше знать.

— Хочу, чтоб ты, Сеня, знал это, как Отче наш. Запомни навсегда, что мент сдает человека, который кормит его, только в трех случаях: если у него самого подгорает задница, если есть возможность получить новую звезду и, в—третьих, если горит план по отлову людей на бесплатные стройки, а начальство рвет и мечет. Во всех остальных случаях, с ментами жить можно.

Кайловский допил коньяк, Кайловский попрощался. Кайловский растворился в белой ночи огромного города.

АНТОШКА, КОТОРАЯ БОИТСЯ ВСЕХ

Утром Семена разбудил шум с улицы. В окно он увидел грузовик и двух парней, закидывающих ящики с пустой посудой в его кузов.

Ненависть к грузовику и неизвестным парням, которые отняли у него лучшие минуты сна, сменилась нежностью, когда вспомнил, что сегодня утром он едет работать в новую баню.

Горный орел вчера спять напомнил ему пару раз о судьбе Томнотика. Срочно, очень срочно нужно перебежать в новую баньку, пока Паша—людоед в отпуске.

Вытащил из кармана записку и в который раз прочел её самым внимательным образом:

Уважаемая Нина Антоновна!

Посылаю к Вам человека, который устроит Вас во всех отно-

шениях, и прому организовать перевод его в Вашу баню, как можно быстрее.

Всегда Ваш Кайловский.

Всё в записке в порядке, ещё раз спасибо Кайловскому, — выручил, лично сам при нем из своего служебного кабинета позвонил в баню на Васильевском острове.

Баня стояла в глубине сквера: ~~напоминая~~ это куб, с узкими окнами, делавших здание похожим на средневековый замок. Над входной дверью висел плакат: "Добро пожаловать!", а справа от двери — вывеска с расписанием работы бани. Первый этаж блистал розовым кафелем и мозаичным полом.

У двери в "класс-люкс" стоял молодой, высокий парень в белом халате с нагловатой, чуть презрительной усмешкой. — Замечательную маску подобрал себе банщик, — отметил Семен. Главное в банным деле удачно подобранная форма поведения. Доброжелательность, участие, капелька дружелюбия создают атмосферу доверия, в которой посетитель охотно расстается с денежными знаками. Уходит в далекое прошлое, в эпоху первобытного социализма образ "однорукого бандита", грабящего совчика грубыми и элементарными приемами подавления воли.

— Эй, парень, куда торопишься? До начала сеанса еще полчаса. Если опешишь, гони треху и проходи. — Всё с той же усмешкой банщик приоткрыл дверь и громко крикнул: — Всё, "Монтана", сеанс окончен. Даю десять минут на сборы! А ты всё ещё здесь? Чего тебе надо?

— Мне бы заведующую баней увидеть, — смущаясь от перспективы остаться без трёхи, промямлил Семен.

— За-ве-ду-ю-шу? — по слогам переопределил банщик и внимательно оглядел Семена. — Двигай по лестнице на второй этаж. Там её логово.

В коридоре второго этажа, окруженное несколькими мужчинами в белых и черных халатах, стояло невысокое, без признаков мужского или женского пола, существо. Оно, мужик-баба, размахивало руками, пытаясь что-то объяснить, обращаясь то ко всем вместе, то к каждому в отдельности. У людей, стоявших здесь, был вид приговоренных к смерти. Семен попал в поле зрения существа:

— Товарищ, вы к кому?

— Мне нужна заведующая баней Нина Антоновна Андреевская.

— Это я, — несколько со страхом взглянув на Семена, ответило существо. — Будьте любезны подождать меня пару минут.

Нина Антоновна трепетно воровала всю свою сознательную и даже часть бессознательной жизни. Ещё совсем юной девушкой она начала воровать в столовой, куда дядя, по большому блату, устроил её учеником повара. И хотя прошло больше сорока лет, она и сейчас помнит ту курицу, которую не донесла до котла и нападшую последний приют в её сумочке. Сумочка стала её фетишем, но любая попытка в течение сорока лет снова поместить курицу в эту маленькую дамскую сумочку была тщетной, и даже крохотный синий цыпленок за рубль семьдесят пять, не помещался в ней.

— Господи, — говорила она не раз, безуспешно пытаясь засунуть цыпленка, — беспредельна загадка жизни и мудрость Твоя.

Она трепетно тащила всё, чтобы накормить и одеть детей, набить своё гнездышко хрусталем, коврами и импортной мебелью. И вслед за первой курицей она стала воровать воё, что могла украсть, а воё, что не могла украсть, воровала так же.

И с первого же дня ташилова на её лице появилась маска испуга. Она боялась контролеров, ревизоров, начальников, о которыми делилась долгие воровские годы, а пуще всего боялась обахаэсников. Золотистый щит с двумя мечами — мужественная эмблема власти, вызывал в ней мгновенный пароксизм страха. Она стала бояться даже собственных детей, которых успешно пристроила в мелкие воровские конторы, но сейчас больше всех ментов, вместе взятых, боялась Паше-людоеда. Три года без работы, в ожидании сладкого места, и только полгода назад, передав по наколке из рук в руки Паше-людоеду четыре тысячи рублей, она получила на кормление эту новую баньку, и готова была дать свой бой каждому, кто попытается отнять у нее этот сладкий кусок.

В кабинете заведующей, прямо над рабочим столом, висел небольшой портрет Владимира Ильича, а рядом с ним планы партийной и профсоюзной работы бани. Напротив, занимая всю стену, висела неизвестная картина неведомого художника. Серый в ябло-

ках конь скакал по весеннему грязному снегу.

- Вам дана наилучшая рекомендация главного инженера, - пробежав записку, сказала заведующая. Протянула Семену чистый лист бумаги:

- Пишите заявление о переводе в мою баню. Скажу вам честно, мне нужны такие банищики. Я твердо решила избавиться от своих алкашей. Требования мои минимальны - не пить и, естественно, выполнять мои указания. Нет, нет, мне от вас ничего не нужно, - остановила она Семена, увидев, что тот покорно полез в карман куртки. - Ваше счастье, Семен Львович, что Паша-людоед в отпуске. Вам, наверно, известно, что он не разрешает переходы в другие бани. И, между нами говоря, совершенно правильно делает. Работай, голубчик, на своем месте или иди на улицу. Если бы все переходили из бани в баню, предствляете, сколько получали бы наши недоброжелатели. Вы - свой человек, Семен Львович, и скажу откровенно, я никогда в жизни не встречала такого гениального руководителя, как Павел Семенович. Он просто маленький банный Сталин. Я преклоняюсь перед ним. Завтра, в одиннадцать встретимся на Невском у кинотеатра "Титан" и купим недорогой, скажем, рублей на сто, подарок заместителю директора по кадрам. Сами понимаете, не подмажешь, не поедешь. А потом мои проблемы, - поеду в объединение и оформлю переводку. Простите, Семен Львович, - добавила она, - мне пора бежать воевать с моими алкашами.

- Господи, как просто всё в жизни, и всего-то стольником отдался, - радостно улыбался своей удаче Семен. И банька - вонший класс, это тебе не грязная лоханка для пьяных пролетариев, и работать, как видно, здесь легче.

Пусть Горный орел играет один свои криминальные игры, а я, как колобок, и от дедушки ушел, и от бабушки ~~жили~~ уйду. Заеду, на всякий случай, к Кайловскому, - решил Семен, - пусть совет мудрый даст, как с Антошкой в дружбе жить.

Раньше, приходя в гости к Кайловскому, он впитывал в себя всю тишину громадного петербургского дома. Сейчас, еще не дойдя до двери инженера, он ощущал голоса, стук передвигаемой мебели и даже легкое дребезжание посуды.

Страх на мгновение парализовал Семена: не менты ли шуруют

в квартире и, хотя по логике брать исполняющего обязанности главного инженера объединения бань было не за что, инстинкт самосохранения заставил банщика замереть у самой квартирной двери.

Однако, веселый смех в квартире вывел его из оцепенения. Он нажал кнопку звонка.

— Вот ещё один дорогой гость, — услышал Семен вальяжный, так хорошо знакомый ему голос Кайловского.

— Да это наш друг банщик. Ты, вероятно, пришел поздравить меня с днем рождения и принес подарок из дорогих. Нет, вы только посмотрите, — Кайловский повернулся к группе мужчин, стоявших в глубине коридора, среди которых Семен мгновенно зафиксировал несколько заведующих банями. — Я только сегодня устроил нашего банщика в одну из лучших бань города — к Андреевской — и никакой тебе благодарности, даже словесной. Вот и будь, друзья мои, сейчас благодетелем. Ладно, ладно, я шучу, — заметив растерянное лицо Семена, рассмеялся Кайловский.. — Раздевайся и быстро садись за стол.

Посреди гостиной стоял стол, а на нем, господи, чего только не было! Молочный поросенок, обложенный зеленью, а вокруг него в вазочках маринованные, соленые грибки в разными специями. Тонко нарезанная буженина и золотистая кожца циплят-табака привлекли внимание завлекала. Черная и красная икра в розетках, твердокопченая колбаса на фарфоровых блюдах и закуски четко по ранжиру, как строй солдат, обступили начальника — молочного поросенка. В правом углу оттолкнувшись от длинной селедочки лежал царь-рыба — маринованный угорь. Радовали глаз многочисленные запеченные пузатые графинчики с водкой, бутылки "Боржома", а в центре стола — три бутылки дорогого армянского коньяка.

— А враги по "Голосу Америки" утверждают, что у нас в магазинах жратву никакую не купишь, — произнес басом Марк Осипович, заведующий самой большой и доходной бани, усаживаясь рядом с Семеном. — Врут проклятые эмигранты-антисоветчики! Вот стол скромного главного инженера! Все тут же радостно помчались бы обратно, если бы увидели его, хоть одним глазком!

— А зачем они нам здесь, — в тон ему добавил Александр Яковлевич, завбаней с Петроградской стороны. — И так делиться со всеми приходится. Нам своих крокодилов хватает.

После третьей рюмки, поднятой за именинника, загудели голоса — день рождения стал напоминать производственное совещание.

— Нет, ты пойми меня, — перетаскивая к себе на тарелку последний кусочек молочного поросенка, обратился к Семену Марку Осиповичу. — Директор наш, Павел Семенович, тьфу ты, Паша-людоед, наверно, думает, что у меня в бане машинка стоит для печати денежных знаков. Совсем защемил и задушил. Приходил к нему на ковер недели две назад: в одной руке папка с бумагами, в другой — конверт с пятихаткой держу, а он мне недовольно выговаривает: "Как вы могли, — это он мне, — опоздать на десять минут к своему непосредственному начальнику. Возможно, — говорит, — вы не цените свое рабочее время, а у меня оно на вес золота. Таких завбаняями, как вы, у меня семьдесят человек и, если каждый начнет опаздывать на десять минут, работать станет невозможно." — И в морду мне, сука, мой же конверт с пятихаткой швырнулся, а я, грешный, разве виноват, что меня в районный исполком вызывали. Пришлось ему, твари, пару сотен добавить, а что делать? Он завбанями каждый год меняет.

Услышав горестный рассказ Марка Осиповича, загорланили, замутили завбанями, перебивали друг друга рассказами о мародерстве Паши-людоеда.

— Не надоело вам, волчары, — резко привстав, крикнул на всех Кайловский. — Вы Пашу-людоеда не чаще, чем раз в неделю видите, а он меня каждый день щемит и душит. Вы с ним бабками расплачиваетесь, а я своим, заметьте, своим, а не вашим здоровьем. И все же, хочу посоветовать вам, друзья мои, сидеть сейчас тихо, тем паче, что Паша-людоед бунт будет подавлять. Он ничего лучшего не придумал, подлец, как позвонить сегодня утром в мой день рождения и объявить, что через пару дней выйдет на работу. Дней десять отпуска только и отгулял. В Гагры ему, как я предполагаю, из исполкома позвонили. Деся-

ток завбанями донос на него в городской исполком написали. Согласились наши революционеры, — улыбнулся Кайловский, — в исполком обратиться, а Паша ~~шмыг~~ там кое-кого прямо из рук кормит.

— А я слышал, что ему в Гагры Людмила Никифоровна позвонила, — перебил Кайловского Марк Осипович. — Она одна из первых этот донос подписала, а потом, испугавшись содеянного, сама же Паше-лидоеду всех и сдала.

— Это ее не спасет и от народного гнева, — твердым голосом, как на митинге, бросил Кайловский. Паша доносчиков в первую очередь съедает. Всё в жизни логично. Люди, сдающие других, когда-нибудь сядут и его.

— То-то на последнем совещании Людмила визжала, что она за баньку на Корзуня пять штук ~~и~~ Паше выложила, и пока, мол, свои денежки не отыграет, не уйдет.

— Да сна, сука, раз двадцать их за три года отыграла, — раздраженно бросил Сергей Иванович, длинный, худой мужчина лет сорока, у которого три года назад Людмила вытащила баньку из-под носа.

По мере потребления водки росли раздоры между гостями. Уже и голоса стали громче и Марк Осипович схватился с Сергеем Ивановичем, а Семен meanwhile забился в угол гостиной с рюмкой коньяка, размышляя о сложной жизни банныго начальства: Куда мне маленькому человечку, последнему навозному жуку в банной иерархии, в игры взрослых людей играть! Тут разборки серьезные.

ЩЕ ОДИН НОВЫЙ ПАПА

В новой бане для Семена все складывалось удачно. И в напарники судьба подкинула ему вроде честного человека. Главное в банным деле напарник. Банщики, как сиамские близнецы, всё пополам делят: и табаш и неприятности. Не дай бог в напарники Маршала Жукова или Тощотика! К вечеру, как минимум, без чирика, а то и без пятнахи остаться можно. А такого напарника, как Серый, с грустью вспомнил Семен, ему уже никогда не увидеть.

Своего сиамского брата Семен окрестил Седым за густую

седую шевелюру. Это был невысокого роста пятидесятилетний крепыш, резковатый в движениях, но с посетителями, что было главное, обращался вежливо и без холуистства, — толпы зайцев шли к нему, сторонясь Семена.

— Ты, главное, торопись не спеша, — успокаивал его Седой. Я в этой бане полгода, правда не в полтинничном классе, а в люксе стоял, но народ здешний меня хорошо знает. Потихоньку, полегоньку перезнакомишься с людьми, подберешь себе клиентуру и проблем не будет никаких. Главное, с Антошкой осторожнее, она самая жадная из всех баб, которых встречал на своем жизненном пути. Ты что думаешь, я из люкса просто так ушел? Антошке все равно, есть народ в классе или нет, подай ей к вечеру пятьдесят рублей, на меньшее не согласна. А еще плачется, что Паша-людоед половину забирает. Все они, сколько, на нашем горбу жирутся. Я не волшебник, пустые места прощавать не умею, а крутить билеты дважды через кассу не буду. За это можно пятеру в зоне охватить, а ведь что самое обидное, Семен, я Антошку кормить должен, а в лагере один сидеть. Она первая, тварь, благодарить ментов будет, что главного мошенника в бане схватили. Ну, короче говоря, я неделю назад взбунтовался, и она меня сюда, в полтинничный класс перекинула. Здесь, конечно, спокойнее работать, не то что в люксе. Антошка грабит нас только, когда замдиректора по эксплуатации товарищ Мухин о проверкой нагрянет. Она ему ужин с бутылкой армянского коньяка ставит за наш счет. Повадился Мухин последнее время на халяву сюда шастать не реже пяти раз в месяц на служебной "Волге" приезжает. Пускай шастает, толстым задом тряся, — добродушно ухмыльнулся Седой, — бог с ними, с бабками, главное, чтобы работать не мешал. Видишь, Семен, старика у двери с мешком. Запомни его и всегда отаканчик бормотухи из наших запасов ему налей. Этот старик — "лесной брат", наш спаситель и кормилец, вениками нас снабжает.

Седой направился к двери навстречу лесному брату и, вдруг, обернувшись, крикнул:

— Семен, тебя хозяйка на ковер кличет!

В кабинете хозяйки было тихо, сюда не доносился шум го-

лосов веселых банных компаний, и только серый в яблоках конь на картине неведомого художника, как показалось Семену, пугливо косился на портрет Владимира Ильича. Антошка сидела, склонившись над бумагами, перебирая листы с брезгливым выражением лица, но с кресла привстала и улынулась Семену как самому дорогому гостю.

— Простите, Семен Львович, что оторвала вас от работы, но раньше все было недосуг переговорить с вами. Мне хотелось вас попросить ни с кем не общаться на темы нашей работы. Меньше знаешь, меньше говоришь — и дольше живешь. Поймите, дорогой, Семен Львович, мне лично от вас ничего не нужно: ни денег, ни подарков, меня, слава богу, пока люкс кормит. Мешать вам работать не буду, но с одним-единственным условием: никаких эксцессов, особенно с посетителями. Никогда не забывайте: они наши кормильцы. И ещё одно важное условие для работы: банщик, в первую очередь, психологом быть обязан. Нет, нет, не перебивайте меня, — и, заметив, что Семен хочет возразить, Антошка вышла из-за стола, подойдя к нему вплотную. — Я объясню, почему психологом вы быть обязаны. Позавчера приходил на вас с жалобой один ответственный работник нашего районного исполкома. Разве трудно было пропустить его вне очереди, а что вы его не знаете, это не оправдание. Вы же не инженер, а банщик и обязаны различать посетителей с первого взгляда.

Семен стоял перед Антошкой, чувствуя себя преступником. Любое начальство вызывало в нем параксизм страха и, вероятно, у него был такой жалкий вид, что Антошка решила сменить гнев на милость.

— Ладно, повинную голову меч не сечет. Кстати, присматривайте за одеждой посетителей, а то вчера у вашего сменщика что произошло: у самого замначальника ОБХСС нашего района новые туфли стащили. Полгода в бane воровства не было, а тут, как на грех, такая история. Я дурака банщика в ОБХСС посыпал полтинник за туфли отвести, а он, мерзавец, от жадности ошалев, заявляет: "Пусть в суд обращается как все простые советские люди". Я этому мерзавцу покажу простого советского человека, он у меня за одну зарплату полгода работать будет. Не понимает, видно, негодяй, что нас ОБХСС просто так, от скуки,

ними слопать может за пять секунд. Вот и работай в бане с такими дураками! Надеюсь, Семен Львович, что подобных историй о вами не произойдет и будем работать вместе для нашего общего блага.

Седой оказался не прав в отношении Антошки. Может, она подлая и жадная, но их она не щемила и за восемь месяцев работы заглянула к ним в банный класс раза три — не больше, но зато заранее предупреждала о всех проверках и комиссиях.

Единственно, что мрачало их сиамское благополучие, это лихие кавалерийские набеги замдиректора по эксплуатации бани товарища Мухина. Как минимум четвертной вынимала из них Антошка в эти трагичные для них рабочие дни.

— Ну что ты мучаешься, — успокаивал в эти роковые дни Семен своего сиамского брата. — Народная мудрость, что вещает: на то и щука в пруду, чтоб карась не дремал. Подумаешь, четвертной, отыграемся в следующий рабочий день. Главное для нао, чтобы не щемили, а Антошка — баба неплохая, нас не трогает, а торчит себе в люксе и всю энергию тратит для контроля поступления собственных тугриков.

— Мне за другое, Сенечка, обидно, мне за свою глупость обидно. Я из конструкторского бюро, где инженером служил, лет пятнадцать назад в торговлю подался, но последнее время устал страшно от поборов. И кто только нас не грабил: и начальство торговое, и милиция, и обахээсники, и ревизия всякая, и даже санврач чирик мой законный из кармана утаскивал. Устал от грабежей страшно, а в баню податься решил сдуру, — думал спокойнее будет, а тут те же самые грабители. Трудно стало жить маленькому человеку. Начальства море, куда не повернешься, всюду пасти разинутые торчат, так и ждут сожрать твои законные денежные знаки.

Зря Седой расквасился. Ну, грабят нас понемногу, а все же на хлеб с маслом остается. Вот, когда грабить комплексно начнут и на хлеб с маслом хватать не будет, побежит народ из всяких там ресторанов, магазинов, кладбищ и других сладких мест.

Конечно, времена теперь сложные: перестройка, но жить еще можно. Погоди, доберется до нас Паша-людоед, поборы уве-

личит в связи с ускорением, не так запоем.

Долго этот разговор вспоминал Семен, он тогда как в воду глядел. Только-только к баньке присосался, клиентуру собрал, отношения с людьми нужными и полезными наладил, как страшная весть пронеслась по бане.

Первым страшную весть принес профгруппорг бани старейший банщик Володька по кличке Пузырь. Он вбежал в класс рано утром, когда в раздевалке было человек десять не больше и пригласил в свою каптерку выпить по рюмочке коньяка.

В крохотном служебном помещении было тесно от мешков с бельем, горы веников и ящиков с пивом, но Седой даже сюда ухитился втиснуть в угол маленький трехногий стол, на который Пузырь торжественно водрузил бутылку коньяка. Наполнив ~~шумки~~ с верхом, он произнес тост:

— За новую счастливую жизнь в связи с указом о нетрудовых доходах. Но это не самое страшное, ребятки. Сколько я всяких указов за свою жизнь слышал, а до сих пор жив. Есть новость пострашнее. Вчера вечером меня Антошка со смены погнала в объединение на профактив, и познакомился я там, не поверите, с нашим новым хозяином бани. Сожрал Паша-людоед нашу Антошку со всеми потрохами и перекинул её, болезнью, в простую баню на Курской улице. И еще слухи по объединению бродят, — понизив голос, прошептал Пузырь, — что не просто так Паша её убрал. Бродя, Антошка в каком-то заговоре против Паши-людоеда участвовала и хотела его ментам сдать. Его, кажется, в ментовке заранее предупредили и, сами понимаете, Паша быстро порядок наводит. Трех завбанями уволил по несоответствию, а других заговорщиков со сладких бани-саун снял и в простые перекинул.

Седой помрачнел и отодвинул наполненную рюмку:

— Чепуха все эти сплетни. Сам посуди, Володька. Да из Антошки такая же заговорщица и интриганка, как из меня партийный руководитель. У неё в жизни всегда одна задача была: вечером в нору полтинник утащить. Вот и вся ее интрига. А с Пашей она всегда по-царски делилась.

— Делилась, не делилась, — неожиданно рассвирепел Семен, — какое это теперь значение имеет. Как нам теперь с новым Папой

жить, вот что главное. Я с Горным орлом поработал один месяц, и лучше опять в инженеры подамся, если подобный фрукт попадется. Лучше голодная смерть, чем щемилово. Слушай, Володька, ты нового Папу видел, опиши, что за человек.

— Досье его не читал, говорят, из отставников. И их черными полковниками называют, самая для меня мерзкая, халтурная порода людей. Законченные бездельники, а новый наш Папа вроде из интендантов будет. Значит ворюга с большим армейским стажем. Ну и слава богу, легче договоримся. Да, ребятки, последнее. После смены нас всех Антошку видеть хочет и поговорить. Так что, до вечера.

В смысле бабок день был удачный, а время тянулось иди нудно, на душе было пакостно, и Семен с трудом сдерживал себя, чтобы не сорваться с посетителями. Понимал, он, конечно, что они ни в чем не виноваты, просто их много, а он один и каждому что-нибудь от него нужно.

Для многих из них, он знал об этом точно, банька — единственное на этой пакостной земле место, куда можно убежать от всяких сволочных проблем. В парилке и сауне погреться, а самое главное, с дружками за бутылкой пива посидеть, а то шпринцовку и рюмочку водочки принять. А где же ему, бедняге, рабочему человеку, еще отдохнуть можно? Дома жена, да детишки, а еще соседи-подселенцы житья не дают, в парадниках менты за шиворот хватают: им и зимой план по хваталову выполнять нужно с перевыполнением, а на работе вместо пива, только лозунг "Пятилетку за четыре года!" обозреть можно.

Седой также помрачнел, ушел в себя, и на жалкую попытку Семена обсудить светлое будущее при новом Папе, только недовольно буркнул, что обратно в мясники уйдет, да и дело с концом.

Они с трудом дотянули до вечера и часов в одиннадцать, разделив бабки, пошастали к Антошке.

— Милости прошу, дорогие сослуживцы. — Антошку встретила их у дверей кабинета в черном траурном платье, но как ни странно, с лица её исчезла так привычная для них маска испуга, и она приветливо улыбалась, что очень удивило и даже напугало Семена.

За столом, небрежно развались в кресле, Цузырь медленно цедил из граненого стакана коньяк.

— Отвальная у нас сегодня, ребячки, и решила я с вами на прощание побеседовать. Буду с вами откровенна. Видно, кому-то мешала я, а может, Павлу Семеновичу заплатили побольше моего, и он, конечно, охотно поверил еговору. Спасибо ещё, что на улицу не выгнал, а хоть баньку простую на кормление дал. Я, в принципе, договорилась, что смогу трех человек по выбору забрать с собой. Решайте, пока не поздно. Мне нужны преданные люди, а баньку на Курской сделаем, игрушка будет, а не баня, да и заработка со временем, думаю, не хуже станут. Всё равно вас новый заведующий сокрет. Ему свои люди нужны, а я, слава богу, в людях разбираюсь, шестой десяток разменяла. — Антошка с надеждой посматривала на бандиков. — Значит так. Молчание — знак согласия, а Володьку, — с улыбкой добавила она, — не спрашиваю. Он после двух стаканов коньяка на любой подвиг согласный. Завтра к десяти утра жду вас троих у кабинета замдиректора по эксплуатации бани товарища Мухина. Представлю вас, а в ближайшее время перевод оформим в лучшем виде. Надеюсь, что небольшие затраты, скажем, рублей по триста с каждого, для обеспечения светлого будущего, вас не смутят. Вот и чудненько, — и не ожидая ответа бандиков, Антошка, указав рукой на стол, прибавила:

— Хватит разговоров, лучше откушаем, что бог послал.

В этот зимний вечер бог был милостив и прислал пару бутылок коньяка, шампанское, а из деликатесов — красную и черную икру и дефицитную твердокопченую колбаску.

КТО КОГО БЫСТРЕЕ СЪЕСТ

Семен не любил заходить в объединение бани и всегда под разными предлогами пытался избежать визитов в пятиэтажное здание на углу улицы Майорова и набережной канала Грибоедова. Когда-то, давным-давно, более шести лет назад, все служащие управления размещались в трех небольших комнатах, но об этих доисторических временах помнили лишь немногие.

С приходом нового директора объединения бани Павла Семе-

новича Рыбака, все быстро изменилось. Только он — величайший банный руководитель всех времен и народов — сумел не только вырвать у исполкома пятиэтажный дом, но и в четыре раза увеличил штаты чиновников объединения. Множество их, мелькая перед глазами, беспрерывно носилось по всем пяти этажам, и это очень напоминало Семену его прежнюю инженерную деятельность.

Поджидая Антошку, он небрежно фланировал по коридору пятого этажа, где размещался отдел эксплуатации, комитеты партийного и профсоюзного руководителей, а в самом конце коридора в двух комнатах размещался комитет народного контроля, руководимый на общественных началах главным механиком Сотовым.

С нежностью подумал Семен о Сотове, проходя в очередной раз мимо кабинета председателя народного контроля. Радостно было сознавать, что главный враг, конкурент и подчиненный Кайловского по уши в дерьме и не скоро из него выберется.

Как утверждали сплетники всех пяти этажей, заведующая одной из бани держала в штате трех мертвых душ родственников Сотова, ежемесячно передавая главному механику их зарплату. Младший брат Чичикова, коммунист Сотов пять лет радостно корчился за счет мертвых душ, и также радостно и энергично разоблачал в кабинете народного контроля расхитителей социалистической собственности. Поговаривали сплетники, что заведующая баней сдала Сотова районному ОБХСС после длительной вечери у Паши-людоеда, но о чем там шла речь, можно было только гадать.

И все же в последний момент главный механик выскочил из дерьма. Помогла ему родная тетка, одна из мертвых душ, единственная, кто оставила свои автографы в ведомостях зарплаты, но за день до допроса в ОБХСС мирно почила после стольких лет праведного труда во славу банного дела.

Теперь еще громче вопил Сотов на всех этажах объединения, что враги оклеветали его, честного коммуниста, и не раз в кабинете директора бил себя в грудь, преданно заглядывал в глаза Паше-людоеду, утверждая, что в объединении всего два честных коммуниста — Павел Семенович и он, а все остальные — хулики и проходимцы.

— Жаль, очень жаль, что главный механик ускользнул от

внуков железного рыцаря революции, — сокрушался Семен, проходя в очередной раз мимо кабинета председателя народного контроля, но появление Антошки мгновенно уничтожило мысли о судьбе главного механика.

Она бежала по коридору так быстро, что Седой с трудом успевал за ней.

— Извините, Семен Львович, за опоздание. Сами знаете, как заедешь в объединение, нужно сразу обежать с десяток кабинетов. А теперь срочно к товарищу Мухину. Начальство ждать не любит.

Товарищ Мухин неспеша ходил по кабинету, диктуя машинистке письмо в исполнком. Небрежно кивнув им, он указал на стулья и попросил подождать.

Семен встречался с замдиректора объединения по эксплуатации бань не реже пяти раз в месяц и, хотя каждая встреча обходилась ему как минимум в четвертной, начальство всегда видело в нем только клопа. Банщик был самым низшим слоем в банный иерархии, и начальство объединения не снисходило до общения с ними.

— Теперь, товарищи, можно и поговорить, — сказал товарищ Мухин, отпустив машинистку. — Даю вам, дорогая Нина Антоновна, минут пять, не больше.

— Алексей Дмитриевич, я просто хотела представить вам банщиков моей бывшей бани и прошу вашего содействия в переводе их в баню на Курской улице.

— Вопрос перевода в другую баню, дорогие товарищи, решает только один человек в объединении, директор, но я, естественно, могу посодействовать. Однако, для этого, молодые люди, должны информировать меня о работе нового заведующего баней, разумеется, никому не афишируя свою миссию. — Он скользнул по посетителям своими сонными, свинymi глазками и бросил:

— Буду рад в любое время видеть вас у себя.

— Всё, ребятки, устроилась ваша жизнь, а я поскольку на прием к Павлу Семеновичу, — и Антошка убежала, оставив банщиков в недоумении.

— Ничего себе организатор судеб и всех наших побед! Как считаешь, Седой, зачем мы товарищу Мухину в качестве стукачей?

- Все очень просто, Семен. Видишь ли, товарищ Мухин пишется объедками с банного стола. Весь пирог сжирает один Паша-людоед и, не дай бог, кому-нибудь, исхитрившись, укусить не по чину, тот сразу места лишится. А товарищ Мухин тоже укусить хочет. Ему нужно знать, какими способами новый заведующий бабки делать будет, а затем, прихватив его, голубчика, свою долю укусить. Вот они, наши банные руководители-коммунисты. Об одном лишь думают, как бы своего же товарища по работе и партии нагреть побольше.

- Зря ты так, Седой. Коммунисты тоже разные бывают. Твой отец коммунист всю жизнь ишачил, и посты большие занимал, а как умер, тыщенки жалкой на похороны не нашлось. А таких тоже немало. Просто что-то случилось в нашем отечестве родном, сломалось что-то, а что - не знаю сам.

Банщики вышли из рептильного дома и пошли по набережной канала Грибоедова, размыслия каждый про себя о своих заморочках.

- "Утро начинается с рассвета, здравствуй, необъятная страна", - замурлыкал про себя Семен, вбегая в баню с улицы, где голуби мира замерзали на лету, а деревья, покрытые инеем, жалобно стонали от резких порывов ветра с Финского залива.

Благословенны эти минуты для банщиков, когда в классе тишина, и после его беглого осмотра остается еще минут десять на перекур. Затем, значит, начинается крутеж до вечера, когда нужно думать о хлебе насущном, а главное, врагов объегорить, всех этих начальников-кровопийц, да и ревизоров впридачу.

Но в это морозное утро радость недолгого перекура убил незнакомый мужчина лет пятидесяти, бродивший по этажам бани. В руках он держал блокнот и по строгому, беспощадному выражению его глаз, Семен сразу догадался, что это новый хозяин бани.

Однако, хозяин не обращал на него ровно никакого внимания, как и на тараканов, которые во множестве бегали по полу и стенам.

Когда прибежал Седой, класс был готов к приему посетителей и даже белье Семен притащил с первого этажа. Семен хотел рассказать сиамскому брату о новом хозяине, но тот не дал ему и рта раскрыть.

- Ты слышал новость, - произнес он шепотом, испуганно оглядываясь по сторонам. - Монтаны с нами большие нет. Сокрал новый хозяин Монтану. Какой-то другой парень в люксе работает. Наглый парень Монтана, а жаль его. Он, бедняга, десять месяцев назад пятьсот рублей за место прислал. Нет, мы подумай, что, сволочи, делают, - рассвирепел Седой. - Берут людей в люксы, снимают по пятичатке, а через год гонят на улицу. До меня слух ошел, что Людмила Никифоровна совсем ошалела от хадности и меняет банщиков в люксе через три месяца. И нас скоро сокрут, чувствуя шестым чувством, а как нашего нового хозяина увидел и сомнения последние отпали.

Но мудрого, старого Седого подвело его шестое чувство. Целый месяц они работали спокойно и, хотя каждое утро хозяин встречал Семена на пороге класса, ничего не происходило. Только однажды новый Папа заглянул в их класс в середине дня. Он молча забрал входные билеты и исчез в своем кабинете.

- Зачем ему входные билеты, Седой?

- Глупый ты совсем, а еще банщиком работаешь. С таким интеллектом тебе в НИИ переходить надо. Пойми, дурная башка, хозяин думает, что мы билеты дважды через кассу крутим, а нам, как сам понимаешь, это незачем. Главный закон в жизни - не рвать и не зарывать. Всех денег все равно не заработаешь, да и опасное это дело с кассой работать. Лучше, как мы, по петушиному, по зернышку клюем. Хочу тебя, Семен, в известность поставить: новый хозяин с банщиком люкса на пару работают. У них билеты дважды, а то и трижды через кассу проходят, и делают они, по самым скромным моим подсчетам, сотни по две на брата в день.

- Это их заморочки, Седой. Сам знаешь, стольники просто так на заднице не растут.

- Так-то оно так, - в раздумье покачал головой Седой, - да больно нагло в эпоху перестройки работают. Их, грешных, возьмут за шиворот, да и нас, хоть мы и не в доле, под горячую руку вычистят.

- Может, на них стукнуть товарищу Мухину, - нерешительно предложил Семен, - а с другой стороны, если они в доле, то не сносить нам голов. Давай, Седой, тихо сидеть, займем кру-

говую оборону и будем ждать у моря погоды.

Но долго ждать у моря погоды им не пришлось. В то зимнее утро, в день сталинской конституции, хозяин решил провести с банщиками производственное совещание. Даже хромая восьмидесятилетняя баба Маша приковыляла в кабинет заведующего бани Бабаева. В кабинете уже не висела картина неизвестного художника, на ее месте красовались разрисованные цветными фломастерами схемы и диаграммы, на которые так же спокойно и мудро взирал с противоположной стены Владимир Ильич.

Начало речи Бабаева не радовало разнообразием. Семен откровенно дремал, пока хозяин трепался о заботе родной партии, правительства и лично директора объединения о планах развития банного дела до 2000 года.

Однако, как только Бабаев перешел к делам вверенной ему бани, и предложил систему ежедневного планирования в рублях по каждому банному классу, переполох начался среди верных служителей веника и мочалы.

— Товарищи, — Бабаев постучал карандашом по столу, призыва к тишине. — Я около месяца наблюдал за вашей работой и заявляю вам откровенно, что так дальше в эпоху перестройки работать нельзя. С завтрашнего дня каждому будет выдан ежедневный план работы класса, и каждый из вас будет лично за него отвечать.

— Разрешите вопрос, Александр Иванович? — Седой неторопливо поднялся со стула. Он следил за выражением лица хозяина, когда сказал:

— Я одного не понимаю, почему план на мой класс в полтора раза больше, чем план на люкс, хотя количество мест в классах одинаковое, а стоимость билета в люкс в шесть раз выше?

— Вижу, что вы, товарищи, обеспокоены, — занервничал Бабаев, — но планы разработаны мною на основании статистики посещения бани за последние три года, а самое главное, эти планы утверждены самим директором. Если кто не в состоянии план выполнить, ну, что же, — усмехнулся Бабаев, — придется к нашему великому сожалению, с этими товарищами расстаться,

И с этого злополучного производственного собрания закончилась для банщиков спокойная жизнь. "Опять этот Бабай-Мамай, —

шил еле слышно Седой, завидев в проеме двери класса подтянутую фигуру отставного интенданта.

— Как идет, товарищи, выполнение плана?

Интендант всегда начинал разговор с плана, хотя ему было известно лучше других, что ни один банный класс, кроме люкса, плана не тянул.

— На первый раз выговор с предупреждением, — и весело улыбаясь, Бабаев забирал у банщиков входные билеты, просчитывал посетителей в раздевалке и быстро проходил в мыльную. — Опять у вас беспорядок, Семен Львович. В мыльной грязь, в парилке веники разбросаны, в раздевалке на окнах пыль. Даю вам десять минут на устранение недостатков. У нас в армии хорошая поговорка была, — всё также приветливо улыбаясь, продолжал он, — "Не хочешь — заставим, не можешь — научим".

— Нет, ты, Семен, думай про меня, что хочешь, а я считаю, что его органам сдавать надо и как можно быстрее. Никого в жизни никогда не сдавал, — Седой нахмурился, — а тут вижу другого выхода нет. Как хитро, тварь, ускорение обмозговал, мы иначим, план бани тянем, а люкс на его карман работает. У "Бабая" к вечеру две, а то и три сотни в кармане лежат, а у нас, ежели трех на двоих будет, то и счастье.

— Я думаю, Седой, что его лучше родной партии сдать. Он ведь коммунист. Пойми, что нет большего счастья для простого советского человека, чем сдать вора-коммуниста его родной коммунистической партии. Ты только представь себе, как они с него шкуру драть будут, кровушку пить и пятки поджаривать. У них там для подобных руководителей специальные Торквемады имеются. А мы спокойно сидим себе и за этим аутодафе наблюдаем.

Банщики на минуту расслабились и перед ними возникла красочная картина партийного аутодафе. Большой актовый зал объединения заполнен коммунистами. Над входной дверью вспыхивает и гаснет информация светового табло о цели партийного собрания: "Перестройка работы бани города Ленинграда и её ускорение в условиях научно-технического прогресса.

Персональное дело коммуниста Бабаева.

Разное."

На возвышении в президиуме расположились члены парткома, а в центре, рядом с местным партийным вождем, сам глава баничного народа - Павел Семенович Рыбак. Спиной к президиуму, перед общим фурором коммунистов, стоит на коленях их бывший товарищ по партии Бабаев. Павел Семенович, не торопясь, сходит с президиума и брезгливо напяливает на его голову специальный красный колпак - коросу. Надпись на коросе сделана насухе черным фломастером:

"Тамбовский волк теперь тебе товарищ".

На груди у Бабаева фанерная доска. И на ней надписи, лаконичные и беспощадные: "Так будет со всяkim, кто посягнул на общенародную собственность", приводившие в смущение и трепет сидящих в зале. Двое молодых кандидатов в члены партии выполняют ответственное поручение парткома - размазывают куски маргарина "Экстра" по огромному, в человеческий рост, противню. Этот противень был изготовлен за счет безлюдного фонда директора по спецзаказу парткома из нержавеющей стали. Рядом с ними завбаней Сергей Иванович, за какую-то неведомую им самим партийную провинность, неторопливо чистит картошку, закупленную на Кузнечном рынке у заезжего чухонца.

Но присутствовать на торжественном для баничков моменте-ритуальном замаривании бывшего коммуниста и заведующего баней Бабаева, - им не пришлось.

Двое неизвестных подошли вплотную к баничкам, за ними семенил хозяин. Тотчас улетучилась мечта о партийном аутодафе.

- Товарищи, - обратился к баничкам коротышка с депутатским значком на лацкане пиджака, - прошу вас предъявить входные билеты текущего сеанса. - Он вытащил из верхнего кармана пиджака удостоверение с золотым тиснением: "Василеостровский исполнительный комитет совета народных депутатов".

Бабаев с коротышкой направились в класс к Седому, а Семен выдал билеты второму неизвестному. Тот дважды пересчитал их, потом обошел раздевалку, считая занятые места.

- Ну, как дела? - коротышка влетел в класс, на ходу доставая бумаги из папки.

- Да, вроде, все сходится, - недовольно ответил неизвестный.

— А у вашего коллеги, — обратился к Семену коротышка, — в классе двое лишних оказалось, а это — рубль нетрудовых доходов. Сейчас мы акт составим.

— Николай Ильич, — Бабаев неторопливо повернулся к Седому, — ещё один подобный акт, и я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы выкинуть вас с работы по статье. Попрошу вас немедленно написать объяснительную записку на имя директора объединения. А теперь, Семен Львович, прошу вас пройти со мной в кабинет.

В кабинете завбаней свою речь продолжил:

— Теперь, наконец, Семен Львович, мы с вами можем поговорить откровенно. Надеюсь, убедились, к чему приводят разнуданность и нарушение элементарных правил работы. Учтите, наша партия всерьез взялась за борьбу с нетрудовыми доходами. Предупреждаю вас в последний раз, — мошенникам и ворам нет места в моей бане. Так можете и передать своему коллеге Николаю Ильичу. Но, думаю, — и тут Бабаев усмехнулся, — что у вас есть шанс продолжить работу в бане, если, разумеется, примете мое предложение. В этом случае готов пойти ради вас на значительное уменьшение плана вашего класса. Слушайте меня внимательно. Каждый рабочий день вы будете дважды прогонять пятьдесят билетов через кассу, а вырученные двадцать пять рублей передавать вечером банщику лукса. Как видите, всё простое — гениально. Нет, нет, не торопитесь, — остановил Бабаев взмахом руки банщика. — Если мое предложение вас почему-то не устраивает, считайте, что разговора не было, и очень прошу в таком случае сообщить, когда мы, наконец, расстанемся. Идите на свое место и думайте.

Мысли путались, сталкивались между собой и подобно броуновскому движению молекул пытались найти выход в безвыходном замкнутом пространстве черепной коробки. Что делать?

Это пытался решить для себя Семен Львович по пути к своему банному классу. Раздражение к Седому внезапно вспыхнуло в нем. Хорошо ему. Уйдет снова в мясники и никаких заморочек. один удар по мясной тушке — гриненник, два удара — полтинник. А ему, бедняге, опять инженером служить. На сто сорок, хоть убейся, не проживешь. В банке, по крайней мере, на бутылках

и вениках, с голоду не подожнешь. Но крутить билеты - нет. Лучше снова голодать, чем в зону. Опять же, не привык ты, Семен Львович, друзей своих продавать. Придется уходить, с грустью решил он.

У открытой двери баниного класса, неторопливо прокалывая билеты и выдавая простыни, Седой пропускал посетителей на очередной сеанс. В углу, на табурете, прислонясь к стене, Пузирь красовался новой булenkой и массивной золотой печаткой на указательном пальце правой руки. Из-под кармана дубленки кокетливо выглядывала бутылка коньяка.

- Что, брат Семен, примешь сто грамм за дружбу?

- Принял бы с радостью, да Бабаев, тварь, за нами по пятам ходит и бумаги разные строчит.

- Сами, ребятки, во всем виноваты. Нечего залупаться. - Пузирь широко улыбнулся. - Я с хозяином теперь в дружбе живу. Объяснил ему популярно, что я не только банщик, но и профсоюзным вождем в бане являюсь. Это тебе не Запад. Тут свое родное государство, государство рабочих и крестьян. Оно, брат, профсоюзных руководителей бережет.

- О чём речь, ребятки? - Седой подошел к ним, слегка наклонив голову, как будто пытаясь расслышать последнюю фразу Пузира.

- Объясняю популярно Семену, что с начальством нужно мирно жить. Мы его не выбирали, а он с нами всё, что угодно сделать может. Я с ним подружился, а вы как знаете. Ладно, ребятки, потопал я. Кириха скоро подойдет, и я с ним бутылочку за новую жизнь выпью.

- Видел гуся, - нахмурился Седой, - всюду без мыла влезет. Да нам-то что делать?

- Тебе, Николай Ильич, для начала хозяин приказал объяснительную написать и подготовиться к вылету из бани.

- Это я и без тебя понимаю. О чём он с тобой толковал?

- Хочет наш хозяин с меня по четвертному в день иметь. Даже план готов снизить.

- Да откуда же ты бабки возьмешь? Четвертные, как сам понимаешь, на дороге не валяются. Совсем коммунисты ошалели.

- Успокойся, Николай Ильич, не заводись. Бабаев хочет,

чтобы я, грешный, пятьдесят билетиков дважды через кассу гнал, а на случай провала намекает, что у него прикрышка от ментов есть.

— Дурак ты, Семен, дурак, хотя до седых волос дожил. Я так считаю, что хватит нам Бабаева терпеть. Не говорил раньше, а теперь слушай сюда.

Седой огляделся по сторонам и осторожно вытащил из верхнего кармана халата три смятых билета.

— Но случайно билеты достались. Случайно посетители вместе лукса в мой банный класс забрели. Я не дурак такой случай упустить и сразу их к себе запустил, а посетителям шесть рублей своих доплатил. Так что с тебя треха. Смотри сюда, — и Седой ехидно усмехнулся. — На билетах нет времени сеанса.

Дружок хозяина из лукса их дважды через кассу прогнал. Бабаев теперь наш со всеми своими потрохами, а завтра поедем сдавать его в районный ОБХСС. На наше счастье обжигающихников знаю. Они на халяву шастали ко мне в лукс, когда я там работал. — Седой заплясал на месте. — Скушаем мы его, Семен Львович, и в зону запрем на всю оставшуюся жизнь. Поработай, дружок, один, а я тем временем в каштерке объяснительную бумагу напишу.

Приближался конец банного сеанса. Вроде и работа у банщиков несложная: посетителей на сеанс запустить, белье выдать, в перерывах между сеансами класс убрать — и всё, а к концу дня настолько замудохаешься, что с трудом домой ноги ворочаешь.

Семен подошёл к двери и дал длинный звонок на окончание банного сеанса. Сейчас самое главное — знать сколько посетителей останется на следующий сеанс. На наколке было только три билета следующего сеанса, но взглянув мельком на первый ряд кресел, увидел знакомую одежду своих клиентов. Опять Седой полъстился на бабки и, хотя была договоренность работать тихо, запустил в класс компанию "собачников".

Глядя на шмотки, усмехнулся про себя, что сначала никак не мог понять, на чем же крутятся эти ребята "собачники". Представились простыми ИТЭЭР, но за рюмкой коньяка раскололись, и он с удивлением обнаружил существование новой, невиданной доселе для него профессии инженер-собачник. Спасибо

Седому, — объяснил, что инженерами они служат просто так, для отмазки, а главное дело их жизни — собачек стричь. "Представляешь, Семен, подстричь собачку, скажем, пуделя, полтинник стоит. Пара собачек и стольник в кармане. Но это всё не просто. Ведь эта тварь, когда её стрижешь, укусить норовит. С другой стороны, ежели задуматься, — пустился он в философские рассуждения, — то каждый, кого стригут, кусается пребольно".

Шастали "собачники" к ним раз в неделю, платили по-шароки, но сегодня день стремный, что ещё хозяин выкинет, непонятно, — и решил он шмотки запрятать подальше в каптерку.

Но спрятать шмотки в каптерку он не успел. Шум в коридоре и громкие крики! "Сень, видь на минутку", — заставили банища быстро выскочить из класса. В дальнем конце коридора покачивался из стороны в сторону теплотехник бани Геннадий Ильич в окружении трех барышень.

— Сенечка, голубчик ты мой, сделай одолжение, дай с барышнями в баньке отдохнуть от трудов праведных. Отвальная у меня сегодня, а завтра мне на новую службу в Теплоэнерго шастать нужно. Гони всех посетителей ко всем чертям! А то могу и воду горячую отключить и тогда сами разберутся. А будешь лапушкой, — сменил гнев на милость, — расскажу, как Бабаев за стольник и пару бутылок коньяка работников исполкома на вас напустил.

— Что-то очень дешево исполкомовские работнички сейчас стоят! — появился Седой с бумагой в руке.

— Фу, черт, — качнулся, но устоял Геннадий Ильич, — вы что, мне не верите? Да у меня приятель в коммунальном отделе исполкома работает. Он мне всё и рассказал. Всё равно, сказал, этим банищкам крышка. Пустите, дьяволы, в баньку, а то барышни застыли.

— Давай так договоримся, Геннадий Ильич, — примирительно начал Седой. — Как только хозяин уйдет, сразу банию закроем по техническим причинам, и будешь ты развлекаться с барышнями до самого утра. Только, чур, всю ответственность берешь на себя.

— О чем речь, начальник, — откликнулся Геннадий Ильич и, слегка покачиваясь, вместе с барышнями направился к выходу.

— Время на ерунду тратим, Семен, а нам свои проблемы решать нужно. Познакомься лучше с объяснительной запиской, и сам

решай, что тебе твоя совесть подскажет, подписывать её или нет.

Директору объединения бань т.Рыбаку П.С. от баников: Курилова Н.И.
Баснера С.Л.

Объяснительная записка

Считаем своим долгом сообщить, что заведующий баней Бабаев А.И. высогает с нас ежедневно по двадцать пять рублей. Бабаев предлагает нам прогонять ежедневно по пятьдесят билетов дважды через кассу.

В связи с вышеизложенным мы, чтобы расплатиться с коммунистом Бабаевым, вынуждены пускать безбилетных посетителей за наличный расчет, что и зафиксировал акт работников исполкома о наличии в классе двух безбилетных посетителей.

Просим принять меры.

- Сокрет нас за эту бумагу Паша-людоед со всеми потрохами. А что делать, Николай Ильич? Я друзей оставлять в одиночестве не приучен. Эх, пусть будет, что будет! Давай ручку.

- Не волнуйся, Сенечка, авось ~~шишки~~ прорвемся. Завтра ровно в двенадцать для я - у тебя, и поедем сдавать хозяина ментам. Бумагу давай, а то Бабаев заjdался.

"И никуда не денешься, - задумался Семен, оставшись в одиночестве. - Идет война на каждом сантиметре поверхности земного шара. Война за должности, звания, деньги и привилегии. Не он эту войну придумал, а хочет он или нет, вести придется ему её, вести до самого смертного часа. Главное в этой войне, хоть немного человеческого достоинства и чести сохранить, а остальное не важно".

ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЙ

Павел Семёнович Рыбак с утра был не в духе. Сон ему этой ночью чрезвычайно глупый приснился, будто о нем какой-то прошелыга повесть написал и не нашел ничего лучшего, подлец, чем вломиться в его сознание в пять утра и давай читать страницу за страницей. Экая чертовщина под утро снится!

Проклятые газеты в этих снах виноваты. Чуть ли не каждый

год у них там наверху власть меняется. То можно и нужно брать взятки, иначе в кресле не усидишь, то вообще ничего брать нельзя, то щемить и душить народ нужно, а то вдруг в демократию, какую-то гласность начинают играть, а ты, руководитель, только успевай поворачиваться.

Стареть, наверное, стал, - с грустью подумал он, - если за генеральной линией поворачиваться не успеваю. А сейчас самое время обеими руками за кресло держаться. Какие времена пакостные пошли, ведь всякая сволочь, которую раньше за человека не считал, укусить норовит, да не просто укусить, а с кресла скинуть.

Шесть лет работал как проклятый, систему организовал и, что это, - всё коту под хвост? Нет, до конца буду драться, никого щадить нельзя, а то пожалеешь, а они тебя и сдадут.

Неторопливо, как и положено руководителю, поднимался он в свой персональный кабинет, небрежно кивая головой на подобострастное: "Доброе утро, Павел Семенович!"

"Я вам теперь покажу всем, доброе утро! Для начала сдам шару человек органам, вот вы все хвости и подожмете."

Директор небрежно скинул плащ на спинку стула, нажал на кнопку звонка. Появилась секретарша с пачкой свежих газет и, глядя в упор на директора своими стервозными глазками, бесцветным голосом произнесла:

- К вам на прием записались заведующие банями Фридман, Бабаев и Панаева.

Фридман вошел в кабинет, на ходу раскрывая папку с документами.

- Простите, Павел Семенович, я только на минутку. Нужно срочно подписать акт приемки бара в бане и договор с РСУ.

- Меня на сегодняшний день, уважаемый Марк Осипович, интересует больше проблема выполнения плана вашей бани.

- С этим всё в порядке, идем с перевыполнением, и по случаю трудовых свершений нашего коллектива хочу передать вам это письмо.

Фридман вытащил из кармана пиджака конверт и, не глядя на директора, осторожно положил его на краешек стола.

- Что в конверте? - Павел Семенович слегка привстал, го-

лос Павла Семеновича приобрел твердость крушевской стали.

— Вы сами знаете, что в нём, — не поднимая глаз, Фридман отодвинул от себя конверт.

— Вы что же, негодяй, взятку мне в моем кабинете предлагаете? Может быть, вам не терпится увидеть здесь сотрудников ОБИСС?

— Павел Семенович, — залепетал, поболев, Фридман, — но конец месяца, и я думал как всегда.

— Что конец месяца, что вы думали как всегда? Негодяй, вы радио слушаете, телевизор смотрите, газеты читаете? В стране перестройка идет, гласность разрешили, демократию сейчас вводят, а мне в моем кабинете взятку предлагать! Заберите конверт и скажите спасибо, что пожалел вас. Приеду в ближайшее время на вашу баню с проверкой, а там все вопросы решим. А теперь убирайтесь.

"Совсем обнаглели, — глядя в спину почти бегущего Фридмана, подумал директор. — Но ничего. Они все у меня попляшут. Начну работать в новых исторических условиях или выгоню ко всем чертям!"

Другое дело — Бабаев, — с удовольствием взглянув на подтянутую фигуру отставного интенданта, директор вежливо предложил ему присесть. Надеюсь, у него хватит ума не передавать денег прямо в моем кабинете. Впрочем, с ним тоже нужно держать ухо востро. Уж больно покладист и незаметен, а такие продают в ~~ници~~ первую очередь.

— Какие у вас проблемы, Александр Иванович?

— Даже не знаю, с чего начать, Павел Семенович. Как вы знаете, работаю в должности заведующего баней недавно, опыта мало, а тут трудности с подчиненными возникли, и очень прошу вас помочь мне.

— Не волнуйтесь, дорогой Александр Иванович, и начните сначала.

— С начала, так с начала, — покорно кивнул головой Бабаев. — Работают в моей бане бандиты Баснер и Курилов. Скажу вам откровенно, Павел Семенович, эти разгильдяи дезорганизуют работу бани, отказываются выполнять плановые задания, дискредитируют руководство бани и даже клевещут на меня. Баснер уг-

рожает мне местью главного инженера Кайловского, а они, как мне известно, большие друзья.

— А вы не ошибаетесь, любезный Александр Иванович? Главный инженер объединения башь и башник — друзья? Но это другой вопрос и в свое время я разберусь с ним, а сейчас поймите, что снять вас с должности заведующего башней может только один человек и, надеюсь, вы догадываетесь, кто.

Бабаев преданно смотрел в глаза директора, пытаясь понять, не будет ли ошибкой, отдавать Паше-людоеду объяснительную записку башников. Сейчас решается его судьба, а он не мог прогнозировать, как отреагирует директор объединения. Эх, была не была! Или я их, или они меня.

— Прошу вас, Павел Семенович, ознакомиться с объяснительной запиской башников на ваше имя.

Директор внимательно изучил записку, потом подошел к стенному шкафу, вытащил папку, на обложке которой крупными буквами было напечатано: БАБАЕВ. Павел Семенович с трудом сдерживал улыбку. Наконец-то, на интенданта материал пришел, да не пришел, а сам своими руками принес. Еще один на мой крючок попал. Директор ласково улынулся Бабаеву.

— Не волнуйтесь, дорогой мой Александр Иванович, из-за этого грязного пасквиля. Если бы вы только знали, что обо мне подчиненные в исполнком и органы пишут. Не поверите, но неделю назад, утром, в этот самый шкаф капитана милиции из городского УБКСС втиснули, а затем провокаторы пытались мне в моем кабинете предложить крупную сумму крашенных денег. А где теперь эти писаки и провокаторы? Иных уж нет, а те далече. Совет хочу вам дать, как с этими провокаторами и разгильдяями бороться. Всё на самом деле очень просто. Смелее надо общественность бани привлекать, инструмент гласности использовать, демократию в действие вводить. Через неделю жду вас, Александр Иванович, с этими разгильдяями в моем кабинете. Да, профгруппорга бани не забудьте захватить с собой. Надеюсь, что за неделю все документы на башников будут готовы и, уверяю вас, что больше месяца они в вашей башне работать не будут. Их срочно нужно выгнать к чертовой бабушке.

Приняв решение, директор, оставшись один, удовлетворенно

откинулся на спинку стула. Сегодня эти негодяи своего заведующего бани сдают, а завтра, чего доброго, до меня доберутся, — и Павел Семенович неприязненно взглянул на пачку газет.

Одна мысль мучала его, не давая покоя, — откуда он знает этого банщика по фамилии Баснер. Ба, вспомнил! Так это тот самый негодяй, что год назад документы приносил на поездку в Венгрию. О каким-то праве и конституции демагогствовал. "Ну что ж, наконец, я ему покажу конституцию!"

Да, кстати, не забыть, что у этого знатока конституции и демократии в друзьях Кайловский ходит. Директор задумался на мгновение, а затем нажал кнопку селектора.

— Вызывали, Павел Семенович? — и Кайловский, громадный, взъерошенный, похожий на медведя, которого выгнали зимой из берлоги, появился на пороге кабинета.

— У меня к вам, возможно, неожиданный, Юрий Михайлович, частный вопрос. Какие отношения вас, главного инженера объединения, могут связывать с банщиком Баснером? Разумеется, это ваше личное дело, вы даже можете не отвечать, но мне все же факт этой дружбы непонятен. Вот, скажем, у меня один приятель в обкоме партии инструктором работает, другой — директор крупного объединения, а третий — главный инженер фирмы "Лето".

"Под этим что-то кроется, — тоскливо думал Кайловский. — Что-то с Семеном случилось, а, может, здесь Бабаев поработал. Не зря, столкнувшись перед кабинетом Паши-людоеда, интендант ехидно, как показалось Кайловскому, поздоровался с ним.

— Вы молчите. Хорошо. Это ваше право, но я хотел на прощание посоветовать вам не путать дружеские и производственные отношения."Как еврея не корми, он всё равно в лес смотрит", — оставшись один в кабинете, неожиданно для себя произнес вслух директор.

Нет, рановато ещё утверждать Кайловского в должности главного инженера. Пусть в исполняющих еще годик походит, а как избавится от друзей конституции, там посмотрим.

Директор начертал на чистом листе: Баснер тире Кайловский, затем вытащил из шкафа из папку Кайловского и вложил в нее новые сведения.

Сладко, сладко спит Семен. Не ведает башник, что судьба его решена Пашей-людоедом, и инспектор отдела кадров скоро, очень скоро вычеркнет его фамилию из рядов славного башнего племени.

Необыкновенный сон волнует башника, ворочается он, пытаясь продлить сладостные мгновения сна, — только бы не возвращаться в реальный мир — глупый и безжалостный. Начало сна, впрочем, был довольно заурядным. Прогуливает он будто бы свою любимую барышню по Дворцовой площади, но неожиданно, у самой Зимней канавки, двое молодцов хватают его и, ничего не объясняя, заталкивают в черную "Волгу". Позади — испуганное лицо барышни, по кличке "Дворняжка", а "Волга", меж тем, мчится по улицам города, направляясь в аэропорт. Машина подъезжает к самому трапу самолета. Летчик, отдав честь молодцам, принимает башника по сопроводительной бумаге, как самый срочный груз. Не прошло и часа, как в Шереметьевском аэропорту, двое других молодцов, так похожих на ленинградских, ведут Семена к правительенному лимузину "Чайка". Только и успел Семен крикнуть:

— Куда вы меня? За что?

Но ответом ему было молчание, и понял он, глядя в строгие неподкупные лица молодцов, что судьбу его давно решили эти чужие и совершенно ненужные ему люди.

Лимузин проскочил пустынную улицу и повернул к одиночно стоявшему загородному дому. Ворота в заборе бесшумно открылись. Охрана, проверив документы, пропустила их в дом.

Всё, что угодно готов был увидеть Семен: шестиглавого змея-горыныча, кащея-бессмертного, вождя племени зулусов, но не престарелого генсека.

— Сколько людей у меня в органах работает, Семен Львович, — сказал миротворец, — а поймать одного человека быстро не могут. Целых шесть часов понадобилось бездельникам, чтобы одного человека из Ленинграда в Москву перевезти. Можете идти, — не брежно махнул генсек молодцам. — Удивляетесь, Семен Львович, что я вас к себе вызвал? Это не я вас вызвал, а электронно-вычислительная машина. Скучно мне стало, да и вправду сказать, давненько я с простым человеком не беседовал. Вот и дал зада-

ние органам отыскать мне самого среднего человека, представителя новой исторической общности людей. Электроника из ста восьмидесяти миллионов взрослых людей страны вас назвала. Старый я стал, больной, скоро умру, — закачал снова головой генсек. — А как умру, дело мое и имя мое в грязь втопчут. Так всегда было и так всегда будет. Диалектика, одним словом. А ведь я настоящим отцом народа был. Кто хотел — уезжал, кто хотел наград — повышал производительность труда, а кто хотел, чего греха таить, тот и воровал понемножку. Пойми меня правильно, Семен Львович, мне ведь лично ничего не нужно. Сейчас все эти лизоблюды и подхалимы речи мои и книги мои миллионами тиражами печатают, в Союз писателей приняли, гениальным реалистом всех времен и народов вчера по радио объявили. А всё для чего? Власть, чинь, награды, деньги подхалимам нужны. И дети мои туда же, акулы — одним словом. Умру я скоро, — поник головой генсек, — и книги мои в лету канут. В старицкой жизни только радостей и осталось, как на новой машине с ветерком пронестись, да награды во всем мире собрать и на память детям оставить. Посмотри, Семен Львович, сколько наград у меня. — Генсек взял Семена за руку и подвел его к столу. Обтянутый красным бархатом стол, был хранилищем орденов всех стран и народов. — Ровно 99 их у меня, — улыбнулся генсек. — Скоро мой день рождения, и финский президент обещал крест с алмазными подвесками прислать. За это я ему, пожалуй, лес в Карелии дам порубить бесплатно, а может ещё и гавань в Баренцовом море отдам.

Генсек подозрительно взглянул на Семена, который, завороженный блеском орденов, их разглядывал, и решительно потянул за рукав к другому столу, заваленному моделями автомобилей.

— Решил я, Семен Львович, — и голос генсека дрогнул, — подарок дорогой тебе сделать: автомобиль подарить. Выбирай любую модель. Сейчас дам команду и через полчаса, по выбранной тобой модели, мои людишки автомобиль пригонят. Умру скоро, умру, — запричитал генсек, — и все мои машины разворуют. Пусть хоть одна простому человеку, представителю новой исторической

общности людей достанется.

У Семена разбежались глаза от множества моделей. Семен нерешительно брал в руки то "Тойоту", то "Вольво", то "Мерседес-бенчик".

Но выбрать машину он не успел. Резкий, пронзительный звонок, и пропали автомобили, а с ними и престарелый генсек.

— Вот, сволочь, не дал такой сон досмотреть, — неприязненно подумал он о Седом, но на пороге квартиры стоял его друг Каддэй Леопольдович.

— Прости, Семен, что разбудил тебя. Попрощаться пришел. Полгода мы не виделись, а за это время столько всякого приключилось!

Каддэй махнул рукой. Каддэй скинул ~~шапку~~ куртку. Каддэй обнял друга.

— Уезжаю, дорогой мой банщик, в город Дубровник на всю оставшуюся жизнь. Впрочем, вы, банщики, народ невежественный. Из географии только материки, да и то не все знаете. Запомни, чтобы мне за тебя стыдно не было, в Югославии этот город находится, и буду жить там с новой молодой женой. А всё с поиска чистого бланка массажных курсов началось. Помнишь? Добыл я его через месяц, печать сам слепил, и стала моя массажная ксивотка лучше настоящей. Хотел сначала в Питере устроиться, да Паша-людоед мне все концы пообразал, и подался я в столицу нашей родины. Устроился на халяву к одной барышне, а там за денежку и в баньку массажистом пробился. Но и тут судьба. Брел как-то вечером по Арбату и свою жену будущую встретил. Через недельку уезжаю, — вдруг заторопился Каддэй, — но время выберу и загляну к тебе на часок. Повезло мне сегодня и смог к тебе по случаю заскочить. Больно близко с нотариальной конторой живешь, а мне срочно нужно было с фальшивой массажной ксивы копию снять. Сам понимаешь, лишняя бумажка за границей не повредит.

Семен ошалело провожал глазами, спускающегося по лестнице Каддэя, который не только неожиданно превратился в иностранца, но и стал обладателем международной массажной ~~шапки~~ ксивы.

По Седому часы можно было проверять. Только-только ра-

дно затикало двенадцать, а его тачка въехала во двор и Седой пару раз бибикнул.

— Ты все еще не готов, Семен Львович, — крикнул он, появляясь в дверях. — Ментовка ждать не будет. Я уже позвонил своему менту и договорился о встрече.

Никого никогда Семен в жизни ментовке не сдавал. Хотя выжить, никого не сдавая, было почти невозможно, пачкаться в этом дерыне он не желал. Но как это объяснить Седому, глаза которого блестят дьявольским блеском, и в данную минуту все его страсти отступили в сторону, кроме одной — желания, как можно быстрее заложить Бабаева.

— Понимаешь, Николай Ильич, что-то не хочется мне в ментовку ехать, нашего любимого хозяина сдавать, — неуверенно начал Семен, но был сокрушен неумолимой логикой сиамского брата.

— Ты что, ошалел совсем. Сдавать вора-коммуниста — прямая обязанность советского человека. Вот почитай газеты, — и он ткнул в грудь Семена пачкой свежих газет. — В каждой из них призывают сдавать друг друга. Осведомители — лучшие люди страны. Вспомни, наконец, Павлика Морозова, — в порыве отчаяния произнес он, в надежде глядя на Семена. — Хватит псевдо-гуманных сомнений, — он потянул Семена за рукав вниз по лестнице.

Менты занимали одно из лучших зданий города. Около ментовки стояло до двух десятков милицейских и частных машин, но Седой, ловко лавируя, все же сумел припарковать машину.

Мент был как мент. Если бы случайно Семен встретил его на улице, то и тогда, сразу же определил бы: этот человек может быть только ментом. Коротко подстриженный затылок, черная полоска усов и, главное, настороженный взгляд. Всё выдавало в нём его профессию. Одет он был в черный кожаный пиджак, что так напоминало кожанки его далеких предков-сподвижников железного рыцаря революции.

— А, Николай Ильич, если не ошибаюсь? — лениво отозвался мент на их приветствие.

— Не ошибаетесь, товарищ капитан.

— С чем пожаловали?

— Товарищ капитан, если честно, то принес материал на заведующего баней Бабаева. Всё денег ему, подлецу, мало и защемил так, что работать невозможно. Крутит билеты дважды через кассу и нас пытается толкать на преступление.

— Как ты говоришь, фамилия заведующего? Бабаев? — переспросил капитан и записал в блокнот фамилию хозяина бани. — Что ему ложка не хватает? Ладно, разберемся, нам как раз до квартального плана пару дел не хватает. Я вам посоветую, — капитан оглядел сиамских братьев так, что на них повеяло холодом Магадана, — всегда к нам обращаться в подобных случаях, тогда и работать спокойно будете.

— Мы пойдем? — неуверенно спросил Седой?

— Идите, идите и спокойно работайте. Не волнуйтесь, во всем разберемся. Еще раз на досуге обдумайте мое предложение: помогая нам, вы в первую очередь будете помогать себе.

— Ну, вот теперь мы штатные осведомители ментовки, — со злобой пнул колесо Седой. Зато, отцу нашему родному, Бабаеву, крышка. Не волнуйся, Семен Львович, завтра накатаем заявления по собственному желанию. Паша-людоед о том, что мы в ЛБХСС шастали, узнает через своих осведомителей, и скучает нас, — Седой даже причмокнул от удовольствия, — без хлеба и соли.

Банщики ехали на тачке, пропуская через себя тысячи лиц абсолютно равнодушных к той отчаянной борьбе за существование, которую они вели с банным начальством.

За все время работы с интендантом это был первый день, когда Семен, придя утром в класс, не увидел Бабаева. Вместо хозяина болтался профсоюзный вождь бань Пузирь.

— Ой, не поверишь, Семен, вчера такое, такое в бане случилось, — затараторил общественный деятель. — Одним словом, вчера часов в пять на наших глазах двое ментов в гражданке к нашему хозяину подвалили, ксивотки предъявили и утащили его в ментовку. Это ваша работа, ребятки? — Взволнованный Пузирь запрыгал, заглядывая в глаза, пытаясь найти ответ на вопрос.

— Пойми меня правильно, Семен. Какать я хотел на хозяина, но менты так всех крутить начнут, что и чирика за день не заработаешь.

— Не волнуйся, Володька. Чирик даже в самую тяжкую пору

жизни делать будем без больших затрат. Я, чтобы успокоить тебя, по дружбе скажу, что через месяц нас в этой бане не будет. Заявления по собственному желанию уже лежат в отделе кадров.

Так спокойно работать, когда начальство не носится перед глазами взад и вперед, не щемит, не душит, не строит банные БАМы. Радостно на душе у банщиков, когда они вспоминают хозяина и колоритные картинки пыток в кабинете капитана предстают перед ними. И кажется им, бедолагам, что уж последний месяц они отработают спокойно и не достанет их главный банный вождь Паша-людоед.

Человек, однако, предполагает, а господь бог в лице капитана ОБХСС располагает.

К трем часам дня рухнули сладостные мечты банщиков прохантоваться месяц, и сам хозяин бани Бабаев появился перед ними, как грозный бог возмездия. Лицо его выражало негодование, за что, мол, меня судьба так мучает. Ворую не больше других на своем законном месте, с кем положено делюсь, да и милиции, предполагаю, достается, а они меня, мерзавцы, целых два дня за это пытали.

Черные круги под глазами, да горькая складка у губ появилась у хозяина за два дня тесной дружбы с сотрудниками ОБХСС.

Как кот, который прежде чем сократить мышь, хочет хоть немного поиграть с ней, Бабаев несколько раз обошел банщиков, а затем внезапно остановился и властно, одним движением руки, подозвал их.

— Товарищи, спешу обрадовать вас, — и тут Бабаев невольно улыбнулся, — что Павел Семенович будет рад встретиться с вами в четверг. Вашу объяснительную записку я передал директору, и он горит желанием вас видеть. Не забудьте, в четверг в шестнадцать часов.

Бабаев не стал как обычно проверять входные билеты и санитарное состояние класса, а резко повернулся, намереваясь направиться в свой кабинет, и в этот момент Семен остановил его.

— У нас для вас, Александр Иванович, приятная новость,

— и он вынул из халата два смятых листка бумаги. — Надеюсь, вы не будете возражать против нашего увольнения по собственному желанию.

Нет, не мог Бабаев скрыть своей радости, ибо стали эти два листочка бумаги воздаянием за все муки двух последних дней. Вера в высшую меру справедливости воплотилась для него в избавлении от этих негодяев, нарушающих установленный самим Пашей-людоедом порядок банного дела.

Хозяин схватил бумаги, хозяин прижал их к груди, хозяин помчался в кабинет, мечтая только об одном, как можно быстрее доставить заявления банщиков в отдел кадров.

В кабинете директора объединения начальство расположилось в соответствии с табелью о ранге. В центре стола восседал главный вождь ленинградского бани — Павел Семенович Рыбак. Справа от него, как мышь, присела старший инженер энергослужбы, а по совместительству — вечная руководительница партийной организации объединения. Ловок, очень ловок Паша-людоед, и даже великий инквизитор не смог бы выбрать из сотни с лишним коммунистов эту тихую, покладистую и послушную женщину на роль партийного вождя.

Слева небрежно развалилась в кресле полная дама лет шестидесяти, которая тянула в объединении нелегкую ношу профсоюзного руководителя, а чуть поодаль восседал, издали похожий на колобок, руководитель эксплуатационной службы, заместитель директора товарищ Мухин.

В дальнем углу кабинета, прямо под портретом вождя, подавленные присутствием высокого начальства, робко жались друг к другу банщики, а в самом конце стола примостились Бабаев с профсоюзным лидером бани — Цузырем.

— Товарищи! — начал Павел Семенович, который был влюблен не столько в театрализованные символы власти, но прежде всего, в саму абсолютную власть также, как и его близкие и дальние родственники: Атилла и Гитлер, Иван Грозный и Сталин.

— Товарищи, — снова повторил Паша-людоед. — Со времени последнего пленума родной партии жить в нашем объединении стало лучше, жить стало веселее. Но это не значит, что мы

должны ослаблять борьбу с негативными явлениями и, прежде всего, с нетрудовыми доходами. Я хочу попросить вас тщательно, с позиции гласности, проанализировать поступившую ко мне информацию о работе банщиков Баснера и Курилова.

Директор раскинул веером заявления, объяснительные записки и акты проверок.

Бабаев осторожно вытащил две папки из портфеля и ещё пачку документов, удостоверяющих вину банщиков.

Банщики были виновны, что было ясно с самого начала всем присутствующим руководителям, а неожиданный демократизм и коллегиальность Паша-людоеда только усугубляла их вину.

— У нас, товарищи, сейчас период гласности, — голос директора звучал торжественно. — Поэтому считаю необходимым дать слово банщикам. Возможно, их объяснения смогут нас в чем-то переубедить и повлиять на окончательное решение кадрового вопроса. Почему, Баснер, молчите? Вы, как мне известно, с давних времен, большой знаток права и конституции.

— Понимаете, Павел Семенович, — Семен от напряжения облизал засохшие губы, — ваш демократизм и гласность напоминают мне известную историю с волком, которого во имя гуманизма уговаривали не есть маленьких ягнят. Они ведь такие маленькие и беззащитные эти ягнята и тоже жить хотят, но волк "в условиях демократии, гласности и гуманизма" будет пожирать ягнят еще пуще.

— Неужели я, как директор, не могу уволить этого негодяя по статье, даже если он подал заявление по собственному желанию, — не спуская строгого взгляда с Баснера, прошептал директор на ухо профсоюзному вождю.

— К сожалению, Павел Семенович, профсоюз тут бессилен. Закон есть закон. Я очень бы хотел вам помочь, но этот негодяй очень опасен и, как видите, способен на все. Самое лучшее решение для нас избавиться от этих банщиков как можно быстрее.

— Вы закончили, Баснер? Мне кажется всё ясно, товарищи руководители. Кстати, если мне не изменяет память, эти работники, помимо морального ущерба, нанесли огромный материальный ущерб нашему объединению и государству. Сколько по актам проверок положили банщики нетрудовых денег в свой воровской

карман, товарищ Бабаев?

— Четыре рубля пятьдесят копеек, — мгновенно ответил Бабаев, вытаскивая из кучи бумаг на столе несколько актов.

— Как вы понимаете, Баснер, мы можем уволить вас по статье, но, заботясь о вашей дальнейшей судьбе, считаю необходимым оформить ваши увольнения по собственному желанию с сегодняшнего дня. Нашему объединению такие работники не нужны, а если вы будете настаивать на месячной отработке, то бойсь, что очередная проверка в бане заставит нас, к великому сожалению, уволить вас по всей строгости закона.

— Возражений нет, товарищи бывшие банщики?

— Какие тут могут быть возражения, — неожиданно подал голос Седой, — если с плохой трудовой книжкой нас не примут даже уборщиками на завод колючей проволоки!

Директор вытащил из верхнего карманчика пиджака китайскую ручку с "золотым" пером, и поставил свою подпись на заявлениях теперь уже, увы, бывших банщиков.

Они шли по набережной канала Грибоедова, маленькие винтики громадной ржавой машины.
